

АЛЕКСЕЙ ТКАЧИК

ДВЕРГУРИМ

Annotation

Унесшая миллионы жизней Темная Эра завершилась больше десяти тысяч лет назад. Память о том страшном времени сохранилась лишь в редких легендах народов и племен Континента. Наступила эпоха относительного мира и процветания, великих открытий, торговых союзов и путешествий. Однако всему приходит конец. Дагна Тяжелый Молот – последний дварф и наследник трона королевства Дренг-ин-Дар. Его дом был разрушен задолго до его рождения, а народ истреблен. Для остальных дварфов он не более, чем обычный двергурим. Дагна не стремился быть великим воином или героем, мечтая лишь о жаркой кузнице и семейном очаге. Но судьба распорядилась иначе. Пройдя через горнило жестоких войн, потеряв всех, кто был ему дорог, лишившийся смысла жизни одинокий двергурим решает отправиться в свое последнее путешествие.

Пролог.

Дварф стоял в центре огромного круга, покрытого искусной резьбой. Руки его были прикованы цепями к толстым стальным кольцам, вделанным прямо в гранитный пол исполинской пещеры. Совет Старейшин в полном составе сидел вокруг него на своих тронах.

– Твоим преступлениям нет оправдания! – прогремело эхо. – И тяжесть их столь велика, что ни одна кара не будет достаточна. Даже пытки и казнь были бы слишком мягки для искупления твоих грехов, двергурим. Тебе есть что сказать?

– Я уже все сказал, Верховные, – спокойно ответил Дагна, без страха глядя в глаза старцам. – Они заслужили своей участи.

– Не тебе решать, презренный! – эхо от голоса говорившего заметалось под самым потолком. – Ты нарушил священный закон, пролив кровь братьев вне судебного поединка!

Дагна молча разглядывал десять старых дварфов, бороды которых спускались почти до самого пола. Из-под длиннополых одежд, расшитых золотыми нитями и драгоценными камнями, выглядывали чуть загнутые кверху носы сапог искусной выделки. Дагна несколько отрешенно думал о том, как все эти вещи должны быть неудобны. Отчего-то в тот самый миг, когда решалась его судьба, он думал о таком пустяке, как одеяние Старейшин.

– Дагна Тяжелый Молот! – голоса звучали повсюду, а Верховные дварфы будто даже не открывали ртов, – Твою участь будет решать Всеотец!

Старейшины поднялись с тронов и слитно грянули тяжелыми аргенитовыми посохами о гранитный пол Чертога, высекая снопы синих искр.

– Здесь и сейчас!

Вспышки искр и звон ударов.

– Зерор Кователь Душ!

Звон и искры.

– Услышь своих детей!

Искры и звон.

– Хорм трогир, Зерор!

Удары слились в единый гул. Сияние залило весь Чертог, ослепляя Дагну. Голоса Старейшин завибрировали, окружая его со всех сторон.

– Хорм трогир Зерор, аул Дренгр! Хорм трогир, аул Солар! Хорм трогир, двергур Фатар!

Тишина и темнота тараном ударили Дагну, заставив согнуться от неожиданности. Не понимая где верх, а где низ, дварф вертел головой, не в силах что-либо разобрать. Во всем теле была необъяснимая легкость. Дагна поднес руки к лицу и поглядел на них, но ничего не увидел, кроме одной лишь тьмы.

– Ёнги...

Дагна оглянулся, но снова ничего не увидел.

– Ёнги... Дитя...

Голос словно был совсем рядом и в то же время нигде.

– Я везде, ёнги. Нет нужды искать.

– Кто ты? – спросил Дагна, не слыша звука собственной речи.

– Я всегда рядом. Но тебя привели туда, где тебе не нужно быть.

– Ты Зерор? – Дагна обернулся или подумал, что обернулся. Все было одинаковым вокруг. Он не ощущал тела. Даже мысли едва пробивались сквозь ничто, что было везде.

– Да, дитя. Другие отроки винят тебя, они хотят суда. Смешные.

– Я готов, Создатель.

Дварф чувствовал, как его сознание начинает сливаться с тем, что его окружало. Или он окружал всё. Дагна будто бы распался на мириады мельчайших частиц, и каждой из них ощущал пристальный взор. За долю мгновения вся его жизнь была поднята из глубин памяти и развернута невероятных размером полотном.

– Сколько боли, дитя... – голос сквозил скорбью и искренним сожалением. – Твоя душа изранена. Но чиста. Отроки ошиблись. Судить буду их. Заигрались.

– Где я?

– В пустоте. Ты там, где не должно быть. Но ты тут.

Дагна начал погружаться сам в себя, а затем медленно, закручиваясь в спираль, направленную внутрь и наружу, разделился.

– Найди свой дом, дитя.

Дагна вытягивался в многокилометровую струну, стремительно летя вверх.

– Создатель... отец говорил... что мы прогневили тебя... и ты... разрушил наше королевство, – дварф упрямо, с трудом, с большими перерывами выговаривал слова, одной только железной волей удерживая рвущийся на части разум. – Что я найду в руинах?

Переливчатый, будто хрусткие льдинки, негромкий смех понес на своих волнах Дагну сквозь миры и эпохи.

– Ёнги, ты все узнаешь позже.

Ласковый голос умиротворял и бережно окутывал дварфа. Мыслить сразу стало легче.

– Почему не скажешь сейчас?

– Твой разум уже плавится от моих слов, что несут даже крупицу знаний. Ищи моих первенцев, они расскажут тебе остальное.

– Я устал, Создатель, выгорел, во мне больше нет силы. Если ты и правда Зерор, то знаешь, зачем я здесь. Даруй мне покой, прошу.

– Знаю, ёнги, – печально произнес голос. – Но не могу. Я ни у кого не отнимаю жизни.

– Выживших после твоего Суда можно пересчитать по пальцам! – беззвучно вскричал Дагна.

– Я лишь раскрываю картину жизни, ёнги. Каждый сам делает свой выбор. И ты свой уже сделал. Пламя твоей души еще тлеет, жаждет жизни. Выполни мой завет, дитя, и обретешь так желаемый тобой покой. Найди Дренг-ин-Дар и успокой пустоту в его недрах первородным пламенем. Иначе беда. Я всегда рядом, дитя, и помни, ничто не происходит случайно. С тобой останется мой Зов, используй его с умом в трудный час. Теперь иди.

Дагна свернулся в точку и, сверкнув, рухнул вниз. Сквозь пустоту внезапно проступил свет, и у дварфа перехватило дыхание, когда он с размаху влетел себе в макушку.

Цепи опали с его рук ржавой трухой. Дагна упал на колени, когда его скрутило в порыве жесточайшей рвоты. Борясь с сильным головокружением, Дагна с большим трудом поднялся. Он утер кровь, бегущую из носа по усам и бороде, его била крупная дрожь, все тело покрывал выступивший холодный липкий пот.

– Зерор свершил свой приговор... Ты прощен, двергурим. Теперь ступай отсюда и больше никогда не возвращайся!

Дагна взглянул мутными глазами на говорившего Старейшину.

– Зерор судит всех. Тех, кого привели, и тех, кто привел, – старый дварф скорбно обвел рукой пустующие троны.

Шестеро из десяти Старейшин лежали на полу в страшных позах.

– Уходи же! – хрипло крикнул старый дварф. – Уходи! Прочь отсюда! Прочь!

На негнущихся ногах Дагна заковылял к выходу. А эхо старческого дребезжащего, уже совсем не величественного, крика все звучало в Высоком Чертоге.

– Уходи! Прочь! Прочь!

Потрепанный шерстяной плащ развевался и хлопал на холодном осеннем ветру, очерчивая коренастую могучую фигуру. Русобородый дварф цепким взглядом смотрел на городок с холма, раскуривая можжевелевую трубку. Глубоко затянувшись, он недовольно отвернул голову, когда очередной порыв ветра сорвал с него капюшон, разметав заплетенные в три косы волосы, и бросил ему в лицо сор и пыль. Дагна глянул прямо на небо и сощурился, выдыхая синеватый клуб дыма, который тут же развеялся и унесся ему за спину. Слегка поведя плечами и откинув полу плаща, вывернул перекрутившуюся лямку заплечного мешка, и лучи солнца заиграли яркими бликами на синем оголовье боевого топора на поясе. Он поправил свой немногочисленный, но увесистый скарб на спине низкой косматой лошадки, достал из переметной сумы кусок твердого как подошва вяленого мяса и с трудом отгрыз кусок. Его губы скривила гримаса отвращения.

– Бездна, так без зубов можно остаться... – тщательно пережевывая мясо, а от того невнятно, пробормотал он и немного рассеянно похлопал свою лошадку по холке. – Ну, ничего. Потерпи, скоро передохнем.

Дагна сплюнул, плотнее закутался в плащ и, держа кобылу под уздцы, чтобы та не повредила ногу на каменистом склоне, стал спускаться в долину.

Городок был обнесен крепкой бревенчатой стеной с дозорными башнями и караулкой у широко распахнутых ворот, в которые заезжали редкие в это время года торговые обозы. Проходя мимо стражей, Дагна заметил, что один из них, тот, что постарше, удивленно на него покосился.

Дагна, усмехнувшись в усы, прошел мимо. Войдя в городок, который носил незамысловатое название Грот, он первым делом отправился на поиски постоянного двора. Жутко хотелось есть и в кои-то веки выспаться на настоящей кровати. И уделить, наконец, время своей ране. Недавняя стычка с разбойниками прошла не так гладко, как привык дварф. Одинокий путник всегда привлекал к себе ненужное внимание лихого народа, но каждый раз Дагна каким-то шестым чувством предугадывал грядущую опасность и потому всегда успевал надеть доспехи. Рана вроде бы и была для него пустяковой – удар ржавого тесака лишь глубоко рассек кожу и едва не задел мышцы, но, прошедший горнило жестоких войн, дварф прекрасно знал, чем может обернуться беспечность в таком деле. Приматывать каждый день к поврежденному бедру мох, чтобы остановить кровотечение и не допустить загноения, ему порядком надоело. Нужно было наложить швы, а для этого Дагне требовалась горячая вода, обильная еда и покой. Последние несколько недель выдались тяжелыми и лишенными даже самых простых удобств.

Он остановился у первого же попавшегося небольшого трактира. Небрежно намалеванная и уже порядком выцветшая вывеска «Плакучая Ива» слегка покачивалась на ржавых цепях. Судя по всему, заведение было не из популярных, а значит, кроме пары завсегдатаев в трактире должно быть пусто. Дагне хотелось тишины и покоя. Кинув поводья и мелкую монетку подбежавшему слуге, дварф толкнул скрипнувшие двери.

Быстро окинув взглядом зал, где сидело несколько человек, он, слегка прихрамывая,

подошел к стойке, за которой стоял толстый трактирщик, лениво протирая глиняную кружку. В сторону нового посетителя он даже не взглянул.

– Хозяин! – хрипло окликнул его Дагна. – Пинту светлого тернарского!

Трактирщик со вздохом поставил кружку на полку, а затем, опершись локтями о стойку, сказал:

– Для начала неплохо было бы поздороваться, долгобородый.

– Прости, почтенный, устал с дороги, – слегка склонил голову дварф и, громко прочистив пересохшее горло, добавил. – Доброго тебе дня и долгих лет! Дагна Тяжелый Молот к твоим услугам.

– И тебе здравствовать, мой подгорный друг! – кивнул трактирщик. – Я – Элмер Браун, можно просто Элмер. А что касается услуг – все цены на доске. Куда путь держишь? Какими судьбами в нашем захолустье?

– Что насчет пива, Элмер? – спросил дварф, потирая саднящее горло.

– Вынужден расстроить тебя, Дагна Тяжелый Молот, пива нет.

Дагна нахмурился, с удивлением посмотрев на трактирщика.

– Ну, хорошо, нет тернарского, давай какое есть, – раздосадовано произнес уставший дварф. В его кошеле оставалось еще немного денег, но несмотря на жесткую экономию Дагны, он уже показывал дно. Вскоре снова придется искать заработок, но сейчас необходимо было хорошенько подкрепиться нормальной едой. И страшно хотелось расслабиться с кружкой свежего пива.

Трактирщик покачал головой.

– Ты не понял, ни тернарского, ни марезийского, ни местного – никакого. Извини уж, но могу предложить воды или свежего молока, чай опять же неплохой жена заваривает. Последний обоз с хмелем был на той неделе. Третьего дня как все кончилось – людей нынче много пришло в городишко.

– А в других... – начал было Дагна, но трактирщик только усмехнулся и махнул в сторону улицы рукой.

– В остальных кабаках тоже в погребах сухо, долгобородый, можешь не искать. Может с чем другим помочь смогу? Еда найдется, за это будь спокоен, и комнаты свободные есть.

– Комнату на ночь, – без раздумий сказал Дагна. – Трапезу туда прикажи подать и бадью пусть поставят с кипятком. Ткань чистая для перевязки найдется?

– Найдем, – понятиво кивнул Элмер, покосившись на пропитавшуюся кровью штанину дварфа. – Может за лекарем послать?

– Сам справлюсь, – буркнул Дагна.

Трактирщик пожал плечами и кликнул слугу, который топтался около входа в кухню, из которой доносились столь соблазнительные запахи, что у дварфа незамедлительно начало сводить желудок. Поварёнок молнией побежал исполнять заказ.

– Итак, изволь, – трактирщик выпрямился и, выпятив объемистый живот, обтянутый на удивление чистым фартуком, выложил ключ от комнаты на стойку. – За ночлег и ужин двадцать монет серебром, за место в стойле для коня и фураж еще десять.

Дагна с изумленным видом уставился на него и перевел взгляд на доску, где были написаны цены.

– Элмер, поправь меня, если я ошибаюсь, но за эти деньги в постели меня будет ждать знойная куртизанка, а мою кобылу накормят имбирными пряниками.

– Шутишь? – с сомнением поглядел на дварфа трактирщик.

– И в мыслях не было. Я тебе прямо говорю, что это грабеж.

– Что? – нахмурился Элмер. – Ты когда в городе последний раз был, мой подгорный друг?

– Не твое дело, – огрызнулся дварф, с досадой пересчитывая монеты в кошельке. Он рассчитывал, что денег хватит еще как минимум на неделю.

– Цены все время растут, если ты не знал. Да и время сейчас беспокойное, – сказал, как ни в чем не бывало Элмер. – Но если хочешь, организуем и куртизанку, и пряники. За дополнительную плату.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь.

– Так что, отменять заказ или как?

Трактирщик выжидательно и красноречиво посмотрел на раненую ногу Дагны, потянувшись забрать ключ.

Беззвучно выругавшись, дварф высыпал на стойку серебряники и уже повернулся, чтобы подняться по деревянной лестнице на спальный этаж, но хозяин, на ухо которого что-то прошептал только что зашедший с черного входа конюх, окликнул его.

– Слушай, Дагна, ты так и не ответил! Чего ищешь в наших краях? Я же вижу, что денег у тебя не густо, вон кошель какой тощий, зато на твоей лошадке тюк с доспехами и молот со щитом, да и топор ты на поясе явно не чтобы плотничать носишь.

Дварф сжал челюсти и, играя желваками, развернулся обратно, отчего ногу прострелило вспышкой боли.

– Надеюсь, что у твоего конюха просто такой наметанный глаз, раз он сходу определил, что у меня в тюке, а не потому, что рылся в моих вещах.

Побледневший конюх испуганно замотал головой.

– Смотри, я проверю, – зыркнул на него Дагна. – Что ж, по законам гостеприимства отвечу тебе, Элмер, хотя очень хочу поскорее дать отдых ногам и заднице после дня в седле. Я ищу одного картографа тут на севере.

– А зачем тебе он? – прищурился трактирщик.

– В кости перекинуться, вонючий пепел! Твое какое дело?

Элмер побагровел от гнева.

– Да откуда я знаю, кто ты? Может ты расправу чинить приехал! – рывкнул трактирщик, а потом махнул рукой. – Впрочем, и верно, какое мое дело. Воинов сейчас в Гроте, что зерна в мешке. Без меня разберутся. Считай, что тебе повезло. Ступай в городскую ратушу. В том году как раз аж целого картографа выписали из столицы. Как там его, дай боги памяти... Вспомнил – Рем. Точно, Рем его имя.

Дагна моментально подобрался.

– Рем? Рем Таннер? Внук хрониста Джогара Таннера? – осторожно спросил он.

– Ну, не знаю, чей он там внук, хотя абсолютно уверен, что он обязательно чей-то внук. В общем, в ратуше найдешь его.

Дварф кивнул и пошел вверх по лестнице к долгожданному отдыху.

– Слышал я кой-чего про подгорных воителей, Дагна! Как пойдешь к городской ратуше, там большой постоялый двор «Мрачная Дева», говорят, там наш бургомистр и граф Аргайл уже неделю как набирают бойцов на северные рубежи – глядишь, и тебе пригодится!

– Это вряд ли, – донеслось с лестницы.

– Ну как знаешь, – пожал плечами трактирщик.

А затем уже добавил тихим шепотом, наклонившись к облегченно выдохнувшему

конюху, когда дварф скрылся из виду.

– Слышь, Джоф, хорошо, его милость предупредил всех кабатчиков, чтоб выпивку попрятали от греха, пока воинские сборы не закончатся. А то наберется их, воителей засратых, полный зал, перепьюся в корягу, и давай причиндалами меряться. Пока намеряются – половину трактира разнесут. А потом мириться начнут, а за это ж выпить надо! А выпить-то больше и нечего, если всё переколотили только что! Ну, а там все, гаси факела, что начинается...

Конюх закивал головой, соглашаясь с хозяином.

Дагна был мрачнее тучи, захлопнув за собой дверь. Похлопав по кошелю и ощутив лишь его удобу, он со вздохом подумал о том, что заработком придется озаботиться раньше, чем он полагал. Если дварф еще мог продержаться на запасах жесткого вяленого мяса какое-то время, от которого уже протестовал даже его крепкий желудок, то вот лошади необходим хороший овес. Но сперва предстояло хорошенько промыть и зашить бедро, как следует поесть и выспаться.

Поутру Дагна проснулся в совершенно ином настроении – сытым, чистым и отдохнувшим. С удивлением он обнаружил, что рана за ночь благополучно затянулась, оставив после себя лишь багровый рубец. Обычно такие ранения заживали на нем не менее пяти дней при хорошем уходе и полном покое, что даже по меркам, крепких как сталь дварфов, было довольно неплохим результатом. Но чтобы за одну ночь образовался рубец... Впрочем, Дагна решил не забивать себе голову тем, что не мог объяснить и, возблагодарив Зерора, спустился в общий зал. Наскоро перехватив нехитрый завтрак, Дагна направился в Ратушу. Оказалось, что постоялый двор, упомянутый трактирщиком, располагался прямо перед городской площадью, где сходились все дороги небольшого городка.

Прямо у распахнутых дверей Ратуши стоял юноша в гербовой накидке с золотыми грифонами на красном поле. В руках он держал толстую пачку пергаментных листов, один из которых тут же протянул Дагне.

Тот с удивлением уставился на юношу, машинально взяв листок.

– Приветствую тебя, доблестный дварф! – воскликнул молодой человек. – Ты верно пришел сюда! Служить в полку его милости графа Аргайла – большая честь! Королевство Исгард чтит своих героев! Вперед в Дентстоун! Все для победы! Пройди к клерку, он все оформит.

– Не интересуется, – буркнул Дагна и вернул листок, под изумленным взглядом рекрутера входя внутрь.

– Погодите, почтенный.

Дварф обернулся, стоя в дверях. К нему подошел худощавый, подтянутый человек с армейской выправкой, одетый в те же цвета, что и юноша-рекрутер, но, не в пример, богаче. Виски дворянина уже тронула седина, но, судя по прямой спине и твердому взгляду темных глаз, он оставался еще достаточно крепок. Его сопровождал десяток закованных в латные доспехи воинов с щитами и длинными мечами, что сейчас покоились в ножнах. Юноша же, едва увидев подошедшего дворянина, тут же склонился в поклоне.

– Не ожидал увидеть здесь двергурима, – произнес богато одетый человек. – Я граф Конор Аргайл, владелец этих земель. Позвольте узнать ваше имя?

– Дагна Тяжелый Молот, ваша милость! – представился дварф и поклонился, как того требовал необходимый этикет.

– Тяжелый Молот, Тяжелый Молот... Что-то знакомое... – граф задумчиво забарабанил

пальцами по массивному золотому перстню, словно силился что-то вспомнить. – Из какого вы подгорного королевства? Дуринфал или Морингард?

– Мой дом далеко отсюда, ваша милость, – покачал головой Дагна. – Я тут проездом.

– Что ж, как вы наверное уже поняли, я набираю полк для того, чтобы идти на границу, в Дентстоун, – поведал ему граф, заложив руки за спину. – Грядет война, почтенный дварф. Орки стягивают силы за хребтом Утрагзора. Нам нужны все, кто способен держать оружие.

– С меня довольно войн, ваша милость, – нахмурился Дагна. – Я вынужден отказаться, мое дело не терпит отлагательств.

– Судя по всему, ваши сородичи из Дуринфала и Морингарда думают так же, – произнес граф. – Печально, что дварфы вдруг забыли о важности и выгоде от союза с людьми. С орками торговать не выйдет, и зерно они выращивать не привыкли, насколько я знаю. Пятьдесят серебряных в день жалованья плюс премии за боевые заслуги. Это мое вам персональное предложение.

– Ваша милость, прошу простить мою дерзость, но к чему вам я? Если уж два крупнейших королевства дварфов севера не выставят свои войска на поверхность, то не думаю, что один двергурим может как-то повлиять на исход даже одного единственного сражения, не говоря уже о войне.

– Может вы и правы, Дагна Тяжелый Молот. А может, и нет. В истории моего рода был подобный случай. Впрочем, я никого не заставляю. Дружину я набираю за свой счет и плачу из своего кармана, как и положено вассалу короля Исгарда. Подумайте, мы еще два дня остаемся в Гроте, а затем уходим в Дентстоун.

– Подумаю, ваша милость, – соврал Дагна.

– Вы упомянули о каком-то деле, почтенный дварф. Могу я узнать, что привело вас сюда?

– Мне сказали, что в ратуше я найду картографа по имени Рем.

– А зачем он вам?

– Мне нужны его знания и карты.

– Искатель приключений? – чуть поморщился граф. – Неужели так банально?

– Нет, ваша милость, – дварф прямо взглянул в глаза аристократа. – Я ищу дорогу домой.

– Вот как? – граф удивленно вскинул брови. – Ну что ж, удачи вам, Дагна Тяжелый Молот. Мое предложение остается в силе.

Глава 2

– Королевский картограф Рем Таннер отбыл в Дентстоун месяц назад на должность армейского хрониста, почтенный Дагна, – клерк захлопнул учетную книгу и посмотрел на Дагну поверх узких очков из горного хрусталя.

Дварф тяжело вздохнул.

– Благодарю вас.

Что ж, теперь хотя бы было известно, что он двигался в правильном направлении. Отпрыск знаменитой династии Таннеров действительно был здесь. В задумчивости Дагна направился к выходу и едва не столкнулся с графом Аргайлом.

– Ну, вы нашли, что искали? – с легкой улыбкой спросил его граф.

– И да, и нет, ваша милость. Так уж получается, что мне с вами по пути. Картограф Рем сейчас в Дентстоуне.

– Вот как? Что же насчет моего предложения, почтенный Дагна?

– Если позволите, то я буду рад сопровождать и по мере сил защищать обоз в пути, ваша милость, но в армии мне делать нечего.

– Ну дело ваше... И все же придется записать вас в отчетные листы хотя бы как обозника, – сказал граф и, подумав, добавил. – По поводу питания можете не волноваться, а за вашу помощь я буду давать десять монет серебром за каждый день пути.

– Вы очень щедры.

– Пустое, – махнул рукой граф. – Вы только вот что – раз уж все-таки пойдете в составе армейского обоза как гражданский, сходите-ка сразу, пока еще тут, в тайную канцелярию и оформите временный контракт. Простая формальность. Там вас запишут, и на этом все.

– Воля ваша, – пожал плечами Дагна.

– Ну и славно. По коридору идите прямо, затем в последнюю дверь направо, не ошибетесь.

Дагна поклонился и направился в указанном направлении.

– Итак, почтенный дварф, – клерк, затянутый в темный камзол по самое горло, обмакнул кончик пера в чернила. – Твое имя, клан, с какой целью решил наняться в охрану полкового обоза?

– Дагна из клана Тяжелых Молотов. Направляюсь в Дентстоун по личному делу. А идти с обозом попросту безопаснее, чем в одиночку.

– Так и запишем... Дагна Тяжелый Молот... – скрип пера по пергаменту. – Момент.

Агент тайной канцелярии повернулся к книжному шкафу и взял оттуда здоровенный фолиант. Долгое время они сидели в тишине, нарушаемой только шелестом перелистываемых страниц. В кабинете было душно и пыльно, потому дварф, последние несколько минут откровенно зевая, успел даже задремать на стуле, тихонько похрапывая.

Внезапно раздался громкий хлопок резко закрытого фолианта, Дагна вздрогнул и

открыл глаза.

– Почтенный Дагна, я не жалуясь на плохую память, но имя Тяжелых Молотов мне не знакомо. Однако... – он постучал по фолианту, – И в книге видов, народов и рас... – он развел руками. – Твоего клана нет.

Дагна вытянул руку к лицу клерка. Тот глянул на внушительный, квадратный, больше похожий на кувалду, кулак дварфа, заслонивший его от Дагны и, слегка отклонившись в сторону, со значением посмотрел на него.

– Ты угрожаешь мне, почтенный?

– Мой родовой перстень.

– Что?

– Перстень. На пальце.

Клерк скосил глаза на кулак Дагны, затем отвел его руку в сторону и, повернувшись к шкафу, взял уже другой фолиант. Дварф с интересом наблюдал за ним.

– У вас довольно много записей касаясь моего народа.

– Служба такая.

В этот раз времени ему потребовалось гораздо меньше.

– Итак, три символа Небесного Чертога на месте – Кователь Душ, Хранитель и Воин, но вот эта гора и созвездие на ней нигде не встречаются, кроме как в одном месте... Клан Дренг-ин-Дар, основатель Громр Гардур... – клерк вопросительно посмотрел на Дагну.

– Все верно. В примерном переводе Дренг – это боевой молот, Дар – звук удара о землю звездного металла с последующей тишиной перед ударной волной. Таким образом, Дренг-ин-Дар – это Молот-бьющий-как-метеорит-с-последующей тишиной. Дренг-ин-Дар – это Тяжелый Молот. А Гардур – владыка и защитник в одном лице.

– Хм, за пояснение благодарю, особенности лингвистики народов слишком обширны, чтобы знать их все, – агент сделал пометку «на полях». – Но сути это не меняет, вот здесь указано... Одно мгновение... Да, вот здесь. В описании родовых обычаев дварфов четко указано, что если дварф бреет виски, то в таких случаях обязательно должна быть татуировка с обеих сторон головы, у тебя же, – он указал на виски Дагны, – пусто. Как у изгоя или преступника. Но им сводят татуировки каленым железом, насколько я знаю. У тебя же их просто нет и, судя по коже, никогда не было. Как так вышло?

– Мой клан был уничтожен задолго до моего рождения, – хмуро посмотрел на него Дагна.

– Вот как, – снова сделал пометку агент. – И давно это случилось?

– А это имеет значение?

– Для итогов нашей беседы – имеет.

– Пятьсот лет назад. Я последний из Дренг-ин-Дар.

– Занятно. Что ж, если это правда, мои соболезнования.

Дварф наградил клерка еще одним тяжелым взглядом.

– Это все?

– В целом, да. Но доказать, что ты тот, за кого себя выдаешь, ты не можешь. Тот же перстень можно просто найти, украсть или, наконец, снять с трупа.

– Да какая разница-то, вонючий пепел? – рявкнул Дагна. – Какое вам дело до того, кто я и откуда, к какому роду принадлежу? Что за цирк?

– Такое время, уважаемый. Война на пороге, а вы, дорогой мой, на землях людей, а не в подгорном королевстве, – клерк неожиданно перешел на “вы”, что каким-то невероятным

образом из его уст звучало отнюдь не уважительно. – Если бы Дуринфал и Морингард вывели войска из своих крепостей, то ваш вопрос решали бы их короли или Совет Старейшин, но они решили бросить нас в трудный час. И тут появляетесь вы. Непойми кто, непойми откуда. Обоз военный – может вы лазутчик?

– Что, лазутчик орков? Бездна, да ты в своем уме, человек?! – Дагна в ярости вскочил со стула.

– Лучше успокойтесь и сядьте, – агент снял и протер очки. – Ну почему же обязательно орков. А что же, разве дварфы ни разу не были замечены в бандах и разбойничьих группах?

Дагна опустил обратно на стул, раздувая ноздри от гнева. Впрочем, возразить ему было нечего. Дварфы действительно были в большинстве своем честным и порядочным народом, но, как говорится, в семье не без урода.

– Так что мешает вам, пристав к обозу, завести его в ловушку, навести на него банду?

– Я понял вашу мысль, дальше что?

– Существует протокол для подобных случаев. По закону военного времени королевства Исград, ко всякому преступнику полагается применить следующий выбор – плаха, темница или воинская служба, сообразно навыкам и умениям.

– Это когда же я успел стать преступником? – прорычал Дагна.

– Назовем это иначе, вы – неблагонадежный. Так что, на плаху вам рано, зато в темницу до выяснений – запросто. Или все же на фронт?

– Шлак... И сколько ж, позвольте, надо ждать этих выяснений? – Дагна уже подозревал, какой ответ получит.

– До конца войны, как минимум. Если, конечно, в заключении не отдадите душу богам – приглядывать-то за вами никто не станет, запрут и уйдут. А там хоть крыс приманивайте, хоть стены грызите.

– Бездна!

– Ваш ответ?

– Что ж ты делаешь, кайло ты ржавое?

Клерк неприязненно посмотрел на Дагну.

– Свою работу. Итак, Тринадцатые Врата. Минимальное жалование. Без права перевода до особых распоряжений. Ставьте свою подпись или я зову стражу.

Граф Аргайл крайне удивился, когда Дагна с мрачайшим видом вручил ему лист пергамента. Быстро пробежав глазами по строкам, граф с еще большим изумлением перевел взгляд на дварфа.

– Как же это вышло, почтенный Дагна? – спросил он, еще раз перечитывая текст о назначения.

– Лучше господину графу спросить об этом свою тайную канцелярию, – буркнул дварф.

Граф с сожалением передал листок адъютанту.

– Это не моя тайная канцелярия, а его величества короля, почтенный Дагна.

Он внимательно посмотрел Дагне прямо в глаза. Тот не отвел взгляда.

– Не верю я в то, что вы преступник, Дагна Тяжелый Молот, – вздохнул граф Аргайл. – Но прямо сейчас ничего не могу с этим поделать – это копия документа, заверенная королевской печатью и отделом внутренней разведки, оригинал передадут в архив. Я не имею права просто проигнорировать его, – он кивнул на пергамент, который адъютант подшивал толстой иглой к кипе точно таких же. – Иначе вместе пойдем под трибунал.

Попробуем разобраться, прибыв в Дентстоун.

– Что ж, и на том спасибо, – обозначил поклон Дагна.

– Напомню вам, выступление через два дня на рассвете, а завтра в полдень сбор на этом же месте, будет распределение по сотням и десяткам. И еще, вы не под стражей, только потому, что у нас все еще верят железному слову двергурима. Но вынужден вас уведомить, и, надеюсь, вы понимаете, Дагна Тяжелый Молот, что вам следует воздержаться от попыток покинуть город. Мне жаль.

Об этом можно было и не говорить, подумал Дагна, снова склонив голову.

Остаток дня он был намерен посвятить отдыху, тем более, что у него оставалось еще немного денег, а вопрос с заработком и харчами неожиданно отошел на второй план, пусть и совсем не так, как он планировал.

На следующий день, прибыв на площадь чуть раньше полудня, Дагна отметил у писаря и, получив клочок бумаги с единственной надписью «13/9», он, за неимением других дел, стал рассматривать остальных участников полка графа Аргайла. Из более-менее опытных выделялись охотники, отставные солдаты и разномастные искатели приключений. Но их было едва ли сотни две, остальные же были вчерашними крестьянами.

За спиной дварфа раздался цокот копыт и лязг доспехов.

Дагна повернулся как раз вовремя, чтобы в последний момент поймать летящие ему в лицо поводья.

Спрыгнув с коня, человек подошел к писарю, размашисто поставил подпись, подождал, пока тот выльет маленькую лужицу воска рядом с ней, и сделал оттиск своей печаткой. А затем вальяжно прошествовал к «Мрачной Деве».

– Ничего не забыл, сэр рыцарь? – окликнул его дварф, все еще державший в руках поводья.

– Привяжи у коновязи. Благодарю.

– Ты, вероятно, ошибся, я не...

– И не вздумай трогать мои вещи, – крикнул он, не оборачиваясь и уже переступая порог трактира.

«Катись ты в бурую шахту, – раздраженно подумал Дагна и, бросив поводья, хлопнул коня по крупу. – Ищи сам теперь свою клячу, где хочешь, медь тусклая».

Какое-то время новоприбывшие люди подходили к столу с клерком, записывались и получали свои номера, а затем, когда поток новобранцев иссяк, служащий быстро заполнил несколько листов пергамента и передал его графу Аргайлу.

– Господа виконты, прошу подойти ко мне!

Десять человек в полном боевом облачении приблизились к графу и склонились в поклонах.

– Разбирайте бойцов!

– Будет сделано, милорд Аргайл! – они разошлись широкой редкой цепью вдоль площади.

– Стройся! – гаркнул адъютант графа. – Сейчас господа виконты будут называть номера, которые записаны первыми на ваших жетонах! Когда слышите свой номер, отправляетесь к назвавшему! Все ясно?

Нестройный гул согласия прокатился по толпе.

Распределение прошло не без курьезов, ибо далеко не все умели читать, однако уже к трем часам пополудни толпа превратилась в десять более-менее равных групп в сотню человек, каждая из которых скучковалась около своего командующего.

Оказавшись в сотне виконта Агмунда, Дагна уже не мог видеть и слышать, что происходит в соседних подразделениях. Теперь пошло назначение временных десятников.

– Сэры Гаван, Алмерих, Галерн, Нокрет, Римус, Дарен, Микобат, Рокар, Вильямин и Кармол! Поздравляю с новыми должностями!

– Благодарю за высокое доверие, господин виконт! – рявкнуло десять плоток.

Агмунд повернулся к воинам, среди которых стоял и дварф.

– Воины, все, то же самое, что при начальном распределении, только теперь смотреть на второй номер на ваших жетонах!

Происходило новое перестроение, десятники занимались выстраиванием своих солдат.

– Девятый! – выкрикнул тот самый рыцарь, что перепутал Дагну с работником трактира и, увидев, среди прочих, нехорошо осклабилась. – Где моя лошадь, дварф?

«Вот ведь угораздило меня. Полная глина...»

– Значит так, бойцы, я барон Вильямин Вальян, ваше высокое начальство с недавних пор! А потому закройте рты и слушайте внимательно, буду говорить лишь один раз! Обращаю ваше внимание, дисциплина – это первое! Беспрекословное исполнение приказа – закон! Никогда не забываете, что перед вами дворянин! Так-так...

Он подошел к Дагне. Пару секунд они сверлили друг друга глазами. Причем оба смотрели друг на друга сверху вниз. Барон был молодым атлетически сложенным человеком с коротко стриженными черными волосами. Старые тщательно начищенные латы, меч-бастард в потертых ножнах на поясе и выцветший щит, украшенный, судя по всему, родовым гербом – белым драконом, раскинувшим крылья на фоне когда-то синего неба – явно принадлежали еще его деду, судя по фасону.

«Додуматься надо целый день провести в доспехах, – подумал Дагна, разглядывая рыцаря. – Типичный выскочка из обедневшего дворянского рода, стремящийся добыть своей собственной славы. Сколько таких же высокомерных мальчишек я повидал под Гвадлоном, сколько их осталось лежать в поле на поживу воронью».

– Я задал вопрос, дварф.

– Я не твой оруженосец, сэры рыцарь, – проворчал Дагна.

– Да как ты смеешь, чернь! Ты мой подчиненный! Палок захотел? – лицо барона от гнева пошло красными пятнами.

– Сэры рыцарь, при всем уважении, – дварф сделал акцент на последнем слове. – У меня была весьма скверная неделя и я, не стану скрывать, только и жду, чтобы кто-то, шлак, дал мне повод.

– Пойдешь под трибунал! – прошипел барон Вильямин, стиснув рукоять меча.

– Валяй, – Дагна достал из-за пазухи трубку и принялся набивать ее табаком из кисета

на поясе. Чиркнуло кресало о кремень, высекая искры на кусочек трута, которым дварф прикрыл табак.

Барон настолько опешил от подобного, что не нашелся, что сказать. Вместо этого он хватанул дварфа по лицу коротким стеклом для верховой езды.

Дагна перехватил его запястье в полете, не переставая раскуривать тлеющий табак, и сжал пальцы.

Послышался скрежет сминаемой стали. Дагна сверкнул глазами и усилил хватку, выпуская изо рта густой клуб дыма. Крага старой латной перчатки не выдержала столь чудовищного давления и согнулась до самого наруча под ней.

– Послушай ты, рыцаренок засратый, если еще раз вздумаешь замахнуться на меня, то бери сразу меч и бей наповал. Другого шанса у тебя не будет.

– Ах ты наглый гномяра... – аж задохнулся от возмущения барон.

– Смирно, канальи! Ополоумели? Виконт узнает – шкуры спустит! – к Дагне и барону чуть не подлетел адъютант виконта Агмунда.

Дагна нехотя, но все же разжал руку.

Вильямин, сморщившись, сделал шаг назад, тщетно пытаясь снять покалеченный элемент брони.

– Встать на марш не успели, а уже драка? – процедил он, переводя строгий взгляд с одного на другого. – В чем дело?

Вильямин смерил дварфа полным презрения взглядом.

– Этот солдат посмел дерзить мне! Мне – потомственному дворянину! Я не потерплю вольностей в вверенном мне подразделении! – заносчиво ответил он адъютанту.

– Что скажешь на это, долгобородый? Что ты не поделил с бароном?

Дагна усмехнулся было, но, заметив суровый взгляд адъютанта, кашлянул и продолжил раскуривать трубку.

– Не о чем говорить, сэр. Недопонимание.

Адъютант, раздраженно проведя рукой по волосам, с шумом втянул воздух и, уже взяв себя в руки, проговорил.

– Значит так, господа, скажу только один раз. Дварф Дагна, барон – твой командир, ты обязан соблюдать субординацию и подчиняться его приказам. Ты теперь солдат, несмотря на некоторые поправки в твоих бумагах.

Дагна, неопределенно кивнув, пожал плечами и выпустил клуб дыма.

– И прекрати курить, когда к тебе обращается вышестоящий офицер! – рывкнул адъютант.

– Виноват, сэр. Не думал, что это помешает мне соблюдать субординацию и подчиняться приказам, – не выпуская трубку изо рта, сказал Дагна.

– Это и был приказ, дварф!

– Да, сэр, – дварф решил больше не дергать судьбу за хвост и, вытряхнув пепел с остатками табака, убрал трубку за пазуху.

Адъютант, посверлив его взглядом, повернулся к Вильямину.

– Теперь ты, барон. Напоминаю, что ты временный десятник, в Дентстоуне всех распределяют согласно штатному расписанию, не стоит наводить тут свои порядки и провоцировать тех, с кем тебе предстоит стоять плечом к плечу в бою. Граф Аргайл не приветствует такое высокомерие от своих офицеров, коим ты теперь и являешься. Будь ты хоть трижды барон, уважение нужно заслужить, а не звенеть шпорами. И брось замашки

хлестать своих воинов плеткой, это не твои крестьяне. На это есть полковой палач.

Барон Вильямин, побелел от унижения, но, на удивление Дагны, проглотив слова несогласия, поклонился адъютанту.

– Слушаюсь, сэр.

– Надеюсь, вы все поняли, воины.

Дагна и Вильямин практически синхронно поклонились.

– Да, сэр.

– Да... барон. Когда прибудем в Дентстоун, тебе определяют оруженосца, а пока придется справляться своими силами.

На следующий день полк выдвинулся не с рассветом, как было сказано, а лишь после полудня. Нужно было дождаться обоз из Тернари – столицы королевства Исгард – с провиантом и фуражом для Дентстоуна. Всего туда направлялось, как позже поведал дварфу словоохотливый и улыбчивый охотник Фред, несколько обозов, и полк графа Аргайла должен был сопровождать их. Урожайи вблизи северной границы в этом году были особенно скудны, да и росла там лишь вялая озимая пшеница и морозостойкая рожь.

– Земля в тех краях вообще не родит пышно и стадам поблизости негде нормально пастись – пастбища находятся южнее. К тому же их еще и охранять надо. А кому? Разбрасываться сейчас людьми король не может, вот и тащим с собой обозы из столицы. Да сколько не притащи, все равно мало будет, – говорил Фред, откусывая кусок сухаря. – Дентстоун – самая северная пограничная застава, запирающая единственный проход в хребте Утрагзора. Это край наших земель. Дальше никто не суется. И я вот о чем думаю, Дагна. Все силы сейчас стягиваются к тринадцати вратам, а соседи-то никуда не делись. А ну как захотят они отхватить от нас кусок-другой? Кто им помешает?

Дагна лишь неопределенно кивнул.

– Кончай пустой треп! – крикнул барон Вильямин, не оборачиваясь. Дварф и охотник переглянулись и, пожав плечами, попросту махнули на него рукой.

Дагна прожил уже немало лет и понимал, мириться с обществом барона Вильямина ему так или иначе придется, ведь главное – попасть в Дентстоун, где он надеялся с помощью картографа Рема, с дедом которого они успели за короткое время стать добрыми друзьями, найти хотя бы какие-то упоминания о Дренг-ин-Даре, своей родине. К тому же он рассчитывал, что тот поможет решить вопрос о его неблагонадежности. Кому как не потомку знаменитого хрониста было обладать влиянием, которое помогло бы восстановить доброе имя Дагны.

Дварф не собирался надолго задерживаться в Дентстоуне, решив, однако, пока вести себя тихо и не привлекать излишнего внимания. А сбежать, при случае, он всегда сумеет.

– Думаю, скоро протрубят привал, – сказал Фред, разминая затекшую поясницу. – Глянь, Дагна, уже лес впереди, едва ли верст десять осталось, – а затем мечтательно добавил: – Если повезет, будет потеха!

– Если повезет... Что? Какая потеха? – погруженный в свои мысли, рассеянно переспросил Дагна, глядя как со стороны темнеющей чащи в сторону обоза, пригнувшись к гривам коней, во весь опор скачут всадники.

– Ну да, это ж Неревальд – лес Гоблинов! – заулыбался охотник.

– Позволь узнать, Фредерик, и почему же он так называется? – Дагна не сводил внимательного взгляда со стремительно приближающихся верховых.

Фред уже открыл было рот, чтобы ответить, но дварф жестом остановил его.

– Постой, не отвечай! Меня терзают смутные сомнения... – протянул Дагна и, нахмурившись в нарочитой задумчивости, почесал подбородок.

– Издеваешься? – недовольно покосился на него Фред.

– Нет, что ты...

Фред скептически поглядел на Дагну, но все же продолжил:

– В общем, там водятся гоблины.

– Да неужели? – иронично хмыкнул дварф, делая глоток из фляги.

– Теперь точно издеваешься, – мрачно кивнул своей догадке охотник.

– Нет, это сарказм.

– Ну, судя по уровню цинизма, у тебя не очень-то много друзей, Дагна, – язвительно проговорил Фред.

– Не думал, что простой охотник знает такие слова, – удивленно глянул на него дварф.

– Простой и не знает, а королевский патент егеря кому попало не дают.

– Что ж, извини, не хотел обидеть. Глянь лучше, кто это к нам так спешит?

– Кто-кто – разведчики Аргайла! Вон, сам посмотри на вымпелы! – ответил охотник, всмотревшись.

– Верю. Я пока слабо знаком с местной геральдикой. Интересно, чего они так торопятся к обозу? – вот теперь дварфа уже никакие сомнения не терзали. Разведчики, как правило, торопятся только по одной причине. Впереди враг.

– Думаю, потеха все-таки будет. Значит, опять пожаловали, – расплылся в улыбке бывалый егерь.

– Я вот никак не пойму, Фред, ты уже второй раз упоминаешь какую-то потеху. Это драку с гоблинами ты называешь потехой? – дварф привстал в стременах, тщетно пытаясь разглядеть, что происходит в авангарде обоза.

– Ага! – кивнул почему-то ужасно довольный охотник и потянулся к свертку из козьей шкуры.

– Драку с гоблинами в лесу? – уточнил Дагна. – В их лесу?

– Ага! – снова кивнул Фред, достав из свертка лук. – Я давно мечтал поучаствовать в этой потехе, да все на промыслах был. Старики мои хворали, не до того было, сам понимаешь.

– Не понимаю! – сердито бросил Дагна. – Немыслимо! Я, дварф, и половина песен моего народа про то, как славно рубились еще наши пращуры с этими паскудами, – не понимаю, Фред!

– И что за песни? – увлеченно разматывая тетиву, поинтересовался охотник.

– Разные. Но в основном, как смешно они лопаются, если стукнуть по башке молотком, – буркнул дварф.

– Ха, впечатляющий, должно быть, репертуарчик! – хохотнул Фред.

– Не сказал бы. Там все крайне однообразно, если без пива, – неохотно ответил Дагна.

– А с пивом? – не унимался охотник, тщетно пытаясь надеть тетиву на лук, не слезая с седла.

– Да тоже на любителя. Лично мне только после шестой пинты терпимо, – оставив попытки что-то разглядеть впереди, дварф посмотрел по сторонам. Обозники и воины не спеша доставали и проверяли свое оружие и доспехи, у кого они были.

– Ха! А вторая половина? – Фред явно получал удовольствие от их разговора.

– Что?

– Ну вторая половина песен твоего народа! С первой все понятно – застольно-героическая. А вторая?

Дагна вздохнул. Егерь оказался славным малым, но за последние годы дварф не слишком много общался и с непривычки беседа успела его утомить.

– Про самое прекрасное, Фред.

– Про любовь? – понимающе кивнул егерь, отложив наконец лук.

– Да, Фред. К золоту.

Послышался стук копыт и знакомый уже лязг плохо подогнанных доспехов.

– Я сказал кончать трёп! – Дагну с Фредом окатило волной презрения. – Девятый!

Общий сбор у Его Милости виконта Агмунда! Немедленно!

Взрыв копытами землю, и обдав комьями грязи ближайшую телегу, дварфа и охотника, барон Вильямин ускакал к голове каравана.

– Вот ведь шлак противный! – выругался Дагна, вытирая лицо от грязи и брезгливо отряхивая руку.

– Что? – морщась, переспросил Фред, выковыривая их уха землю.

– Ох, и натерпимся мы с ним, говорю.

Полк остановился. Дагна и Фред, оставив лошадей с обозниками, отправились вместе с остальными людьми их десятка вслед за бароном Вильямином к реющему знамени виконта Агмунда. Приблизившись, стало видно, что тот уже беседовал о чем-то с командиром разведчиков, разложив карту на поставленном тут же раскладном столике.

– ... и таким образом, отряды гоблинов заходят с западного направления вот в этой точке, лорд Агмунд, а также с северо-западного вот здесь! – указал воин места на карте.

– Я вас понял, капитан, – благодарно кивнул виконт. – И какова численность противника по вашим оценкам?

Капитан снял шлем, зажав его под мышкой, и устало вытер вспотевший лоб.

– Замечено неполных десять тотемов, милорд. Вдобавок к этому с два десятка тяжело груженных подвод с волами и возничими.

– Значит почти тысяча... – задумчиво протянул Агмунд, потирая подбородок. – Что ж, спасибо за службу, сэра Хопер, вы свободны.

Капитан поклонился и удалился своему отряду. Виконт поднял глаза от карты и оглядел воинов.

– Господа десятники, прошу ко мне. Нам следует выработать... – тут он увидел Дагну и остальных воинов десятка. – Барон Вильямин, почему здесь ваше подразделение?

– Ваша милость, я решил, что бойцы должны быть готовы к бою немедленно! – поклонился тот виконту.

Вокруг раздались сдержанные смешки рыцарей. Виконт, подняв очи горе, рявкнул:

– Солдаты, свободны!

Когда воины, отвесив поклоны и почтительно молвив «Милорд», ушли к обозу, виконт Агмунд перевел испепеляющий взгляд на Вильямина.

– Барон, если я созываю общий сбор, то это касается только командиров, – процедил он. – Слышите? Командиров! А никак не рядовых бойцов. Если вы хотите что-то обсудить с рядовыми, можете заняться этим в свое личное время, но не тащить их на мой военный совет.

– Прошу простить, милорд, – сторая от стыда, снова поклонился барон, скрипнув латами.

– Больше не заставляйте меня сомневаться в вашей компетенции!

– Слушаюсь, милорд! – в третий раз поклонился едва не в пояс виконту Вильямин, да

так и застыл.

Агмунд еще пару мгновений посверлив его глазами, повернулся к остальным.

– Итак, господа десятники, прошу следовать за мной.

И виконт в сопровождении рыцарей направился к своей карете, которая, судя по виду, могла вместить человек двадцать. Целый дом на колесах, запряженный шестеркой могучих косматых тяжеловозов-шайров.

По обозу прозвучала команда «Привал».

– Шлак, ну и балбес.. – покачал головой Дагна, раскуривая трубу. Проверив, крепко ли привязана его лошадка к телеге, сел к костру рядом с Фредом. – Нас прервали и ты так и не поведал мне, в чем же тут потеха. Пока я вижу лишь довольно опасное мероприятие. Гоблины, конечно, мерзкие мелкие засранцы, но они у себя дома, который они должны знать, как свои пять пальцев.

– Все просто, мой подгорный товарищ! – ответил охотник, забрасывая в рот горсть лесных орехов. – Гоблины не живут в этом лесу, а приходят когда раз в несколько лет, а когда и раз в год, стекаясь со всех окрестных земель. И тащат сюда в свои логовища все, что награбили за это время. Вроде как тут их древняя святыня или святилище, или место силы, бес их разберет. В общем, потеха в том, что можно неплохо пожить!

– Это ж гоблины, – хмыкнул Дагна. – Чем там житье, драными шкурами да обглоданными костями?

– Э, нет, сюда ходят именно бурые. Ты слышал о бурых?

– Слышал и скажу тебе – не стоит их недооценивать. Прибить их не так-то просто.

– Ну сейчас там их милости порешают, как это лучше сделать, а наше дело нехитрое – бить их кто чем любит. А пока предлагаю как следует подкрепиться – неизвестно еще, когда выступим.

– Ставь котелок! Если у наших командиров масло в голове есть, то не раньше утра. Впрочем, мое дело – обоз охранять. Туда я не полезу.

Дварф оказался прав в одном – решение атаковать врага на рассвете было принято на удивление скоро. Гоблины видели во тьме лучше людей, не было никакого смысла лезть под стрелы вслепую. Вестовые разнесли приказ по обозу, едва опустел котелок с рагу и ложки были тщательно облизаны и спрятаны за голенища.

Дагна ошибся лишь в том, что рассчитывал не вступать в бой и отсидеться в обозе. Согласно приказу, он, как и другие, кого поставили перед выбором: армия или темница, а то и плаха, должен был идти в первых рядах сотни Агмунда, которая готовилась атаковать в лоб с юга. Таких как дварф было пока немного – основную массу неблагонадежных и каторжников должны были привезти позже. Как объяснил ему Фред, на севере лихих людей мало, промышлять негде и нечего. Все преступники ошивались ближе к столице. Там места побогаче да торговых путей больше.

Про остальные сотни Дагна не знал, но предполагал, что лес сейчас окружают со всех направлений, разве что кроме северного.

За три часа до рассвета началось движение войск. Воины облачались в броню и проверяли в последний раз перед боем крепость щитов и копий, хорошо ли наточены мечи и топоры.

Фред держал над кипящим котелком стрелу, тщательно расправляя оперение. Затем, отложив ее к остальным, взял следующую.

Дагна, тихо бранясь на двергмаре, снял со своей лошадки увесистый тюк и с грохотом бросил его рядом с костром.

– Знаменитые дварфийские доспехи? – поинтересовался охотник, кивком указав на сверток.

– Ну почти, Фред, – сказал Дагна, надевая тонкую стеганую куртку и такие же штаны.

– Не тонковат поддоспешник-то? Наши рыцари, вон, акетоны в три пальца толщиной носят, – Фред закончил со стрелами и принялся вощить тетиву.

– Ну ты сравнил, Фред, – дварф достал из тюка свернутую в аккуратный рулон тонкую серебристую кольчугу такого мелкого плетения, что не всякое шило вошло бы между колец. – Рыцари они кто? Прежде всего, конные, верно?

– Ну, верно. И что с того?

– Странно, что именно мне это объяснять приходится, – длинная кольчуга с тихим мелодичным звоном прикрыла тело дварфа до самых коленей, а руки до локтей. – А то, что сражаются они порой с такими же рыцарями. Разгонятся как следует на своих конях и копьями на таран. Такой удар, даже если доспех не пробьет, все равно волной внутрь идет. Для того и нужны толстые акетоны. Пеший тебя никогда так не грохнет, как копьё на галопе.

– А, например, тролль? – Фред принялся натягивать тетиву, которая скользая по свежему воску, никак не хотела занимать положенное ей место.

– Что тролль? – рассеянно переспросил Дагна, разложив на земле элементы своей брони в ряд, и отошел на пару шагов. – Как там было... Шлак, давно я этого не делал...

– Ну тролль же пеший, но если дубиной жახнет, то никакой доспех или акетон не спасет. Или спасет? – поглядев на задумчиво глядящего на доспехи Дагну, предложил: – Помочь?

– Ты не сможешь, Фред, но спасибо.

Охотник, почти дотянув тетиву до противоположного конца лука, замер, когда скинув сапоги, Дагна подошел к левому краю разложенных доспехов и, нараспев заговорив, начал странно двигаться. От разворачивающегося зрелища Фред потерял дар речи.

– Топнем левой, топнем правой! – вступил дварф в раскрытые, разъявленные латные сапоги. Когда ступни уперлись в подошвы, капканом лязгнули створки сапог, охватывая голени Дагны. С щелчками штифты сами собой вставали в запорные гнезда. – В шахту мы идем оравой!

– На колени встанем дружно, – хлопнули наколенники и набедренники, соединяясь сами собой с сапогами и закрывая ноги дварфа до самого паха. – К нам Зерор неравнодушен! Надо же, вспомнил!

Дальше дело пошло быстрее.

– Пузо выпятим мы смело, с честью делает дварф дело! – кираса со звоном заковала торс дварфа, подстраиваясь под фигуру, пряча шею и главную драгоценность – бороду – под выдвинувшимся воротником-бувигером. С шелестом развернулись пластинчатые тассеты,

наползая на бедра.

– Молот в руки или кирку! Каждый день как под копирку! – лязгнули тяжелые наплечники, из-под которых выстрелили налокотники и наручи, обтекая руки дварфа до самых кистей.

Несколько раз подпрыгнув и пару раз взмахнув руками, Дагна удовлетворенно кивнул и, спустя пару мгновений, когда щелчки окончательно подгоняемых доспехов прекратились, поднял латные рукавицы и глухой покатый шлем с забралом без единой смотровой щели.

– Пальцы – клещи, глаз – алмаз! – он надел будто бы огромные рукавицы, которые тут же ужались по руке, шелестя наползающими друг на друга фигурными пластинами. – Дварф – красив, – опустив шлем на голову, Дагна захлопнул забрало, которое ту же слилось в единое целое с куполом. – Орк – глинолаз... Бездна, надо было лучше полировать забрало.

Голос звучал гулко, металлически.

– Ладно, вроде все видно. Так что там про тролля, Фред?

Фред медленно выругался. Дзенькнула сорвавшаяся тетива и мимо Дагны пролетел резко распрямившийся гудящий и вибрирующий лук.

– Вперед! – скомандовал барон Вильямин, указывая полуторным мечом на опушку леса. – На штурм!

Солдаты переглянулись, но все-таки подчинились приказу. Прикрываясь щитами, воины все ближе приближались к живой, волнующейся стене темных, кажущихся в предрассветный час почти черными, высоченных сосен и разлапистых елей. Пять десятков в сопровождении рыцарей должны были первыми вступить в чащу и при необходимости связать врага боем, чтобы арьергард успел совершить обходной маневр и ударил с тыла и флангов, взяв гоблинов в клещи.

Барон ехал сбоку от отряда с поднятым забралом, вальяжно развалившись в седле и небрежно свесив щит в сторону. Бойцы поглядывали на него со смесью тревоги и раздражения.

– Вам бы спешиться, сэр, – наконец молвил один из них, когда до опушки оставалось едва ли сорок шагов. – От конного в лесу проку мало, как бы не...

– Как бы тебе не заткнуться, хам! – заносчиво бросил Вильямин, даже не глядя в сторону говорившего.

– Воля ваша...

Дагна сморщился от такого неуважения к соратнику, но промолчал, продолжая движение и до рези в глазах всматриваясь в просветы между деревьями. Несмотря на закрытое забрало, дварф видел все так, будто никакого шлема на нем вовсе не было. Дагна очень гордился своим изобретением, не раз и не два спасавшем его на пустынных дорогах. Забрало его шлема было выполнено из Железного Стекла – сплава, что родился в его плавильной печи еще сорок пять лет назад и не уступал в прочности закаленной стали, но обладал, при нужной обработке, свойством односторонней прозрачности. Дагна уже собирался поставить производство Железного Стекла на поток, когда его жизнь полетела в бездну.

Когда до леса оставалось не более тридцати шагов, из-за деревьев ливнем полетели стрелы. Их было так много, что, даже, несмотря на большие щиты, за которыми укрылось большинство, штурмовые группы моментально понесли потери. Пара человек рухнули замертво, битые в лицо и горло, еще трое оказались тяжело ранены и остались лежать, болезненно корчась и судорожно обламывая древки стрел.

– Не стоять! Не изображать мишени! Вперед, каналы, на штурм! – подняв коня на дыбы, заорал Вил, которого чудом не задел этот смертоносный ветер. – Вперед, если жизнь дорога! За Исгард!

– За Исгард! За Короля! – прогремели воины и, быстро преодолев разделяющие их с опушкой тридцатку, бросились в стремительном рывке под сень деревьев, проламывая подлесок.

Однако стрелков уже и след простыл, а в глубине чащи раздавались гортанные крики и улюлюканье.

Барон отстал, завязнув в зарослях, и неопытные люди мгновенно потеряли всякое подобие строя и начали медленно рассеиваться по лесу, войдя в кураж от адреналина и страха. Дагна, покрутив головой, увидел, что рядом нет никого из командиров, а бойцы продолжают нестись вглубь леса, и, что было мочи, заорал.

– Стоять! Стоять, песье семя! Стоять, зараза!

Большинство солдат оказавшихся поблизости, заполошно обернулись, сразу сбавили шаг, но остальные сами орали так, что уши закладывало, продолжая бежать навстречу смерти.

И тут снова свистнули стрелы.

Люди начали умирать.

Тогда дварф сделал то, что не любил больше всего на свете. Сбросив наземь молот и топор, проклиная все на свете, побежал. Очень быстро побежал. Волчком крутясь от одного человека к другому, он щедро раздавал удары закованным в сталь кулаком и щитом.

– Стой, гад! Стой, собака! Щит поднял! Щит к хлебалу поднял, сволочь! Назад! – пот градом заливал глаза подгорного воина, благо конструкция его шлема позволяла справляться и не с таким.

Дагна старался изо всех сил, но не мог поспеть везде и всюду.

– Что вы уставились, идиоты? Лови остальных, пока не поздно, иначе всем нам крышка! Лучники, прикрывай! – ревел он не своим голосом на растерявшихся бойцов своего и других десятков, оказавшихся рядом. Солдаты бросились исполнять приказ, пригибаясь за щитами, другие, нырнув за стволы деревьев, начали отстреливаться, даже не осознав, что исходит он не от командира. Первая горячка начавшегося боя перерастала в голый, сковывающий вязкий страх. Противник оставался невидимым, а в такой ситуации обычному человеку всегда нужен кто-то, кто громко и четко скажет, что нужно делать. Делать что угодно, лишь бы сказали и лишь бы не думать своим кипящим от гормонов мозгом.

Дагна это знал. И потому орал, а шлем усиливал его голос чуть не до громовых раскатов. Стрелы бились о его щит, с визгом отскакивали от покатога шлема.

– В укрытие, раздери вас Зерор! Поднять щиты! – ревел дварф, сбивая людей с прицела гоблинских луков. Одних он толкал за деревья, других сгонял в овраг пинками в судорожно сжимаемые щиты, только что не вышибая солдатам зубы, но все же заставляя именно щитами, а не спинами, ловить стрелы.

Обстрел закончился так же внезапно, как и начался.

Кое-как выстроившись, люди, тяжело дыша и сверкая бешеными глазами, медленно приходили в себя. После обстрела отряд стал меньше еще на десять бойцов. Все как один смотрели на дварфа, который провожал взглядом пять силуэтов, почти скрывшихся из виду за деревьями. Дагну окликнул, осторожно выглядывающий из-за толстой, утыканной стрелами, сосны Фред, держащий наготове лук с наложенной на тетиву стрелой.

– А с этими что? – подбородком указал он в сторону убегающих.

– Ничего. Они уже покойники, – жестко ответил Дагна, быстро подбирая и закидывая за спину ремень с молотом и беря в правую руку топор.

Фред побледнел и угрюмо кивнул. Слышавшие слова дварфа бойцы глухо зароптали. Сплошное забрало повернулось к ним и голоса стихли. И тогда он заговорил, чеканя каждое слово.

– Значит так, братва! Командиры бес знает где, мы крупно нюхнули пещерного газа! Назад нельзя – сорвем общую атаку! На месте стоять – перещелкают бесславно, как куропаток. Надо двигаться дальше. Возражения?

Солдаты с усилием выпрямившись, грохнули оружием о щиты.

– В таком случае, все за мной, и слушайте внимательно, что будем делать дальше...

Короткими перебежками три десятка человек во главе с дварфом продвигались вперед, укрываясь, насколько это возможно в складках ландшафта, благо оврагов и холмов тут было

предостаточно. Люди быстро признали Дагну неформальным командиром и четко следовали его приказам, понимая, что так шансов выжить гораздо больше.

– Боя все нет, чую, очередная засада. Заманивают... – проворчал себе под нос дварф. – Фред, возьми пару толковых ребят и проверьте, что там впереди.

Охотник махнул рукой и к нему подошли двое лучников.

– Сделаем, командир! – серьезно кивнул он.

– Только тихо, в бой не вступать. Увидите что нужно и сразу назад. Я рассчитываю на вас.

Егеря тихо скрылись за деревьями.

– Ну а мы пока передохнем, – Дагна поднял забрало и, сняв оружие, положил на землю. А затем сел, подложив под себя щит, и опершись спиной о ствол дерева.

Солдаты последовали его примеру, практически рухнув от усталости. Несколько человек достали трубки и дрожащей рукой, просыпая табак, начали их набивать, на что дварф предостерегающе поднял руку.

– Не стоит сейчас курить, братцы, – хрипло проговорил Дагна. – Эту вонючую плесень, что вы ошибочно именуете табаком, я даже отсюда чую, а бурые могут стрелять с закрытыми глазами по одному только запаху. Незаметно не подберемся.

Один из тех, кто уже достал кресало и готовил кремень с трутом, выругался и, швырнув все наземь, посмотрел на дварфа.

– Что ж делать, командир? Руки дрожат, страшно невмоготу! Глянь, сколько наших постреляли за просто так! Как курей! А мы их и не видели даже! Поляжем все тут, стервятнику на прокорм...

– Пожуй сухарь, солдат, – посоветовал Дагна и, подавая пример, закинул в рот кусок жесткого хлеба. – Не думай.

– Да как не думать-то?! Столько наших... – начал было другой солдат.

– А ну-ка все сухари жрите, говорю! – рыкнул, сверкнув глазами, Дагна.

Люди вздрогнули и полезли в поясные сумки за сухарями. Котомки и заплечные мешки перед боем все оставили в обозе, но легкий перекус и флягу воды, на всякий случай, были розданы интендантами всем без исключения. Захрустев сухарями, солдаты угрюмо переглядывались. Есть не хотелось, но перечить дварфу не решился никто.

– Когда голова кипит, то живот сжимается, – сказал Дагна. – Кипит?

Люди согласно кивали, жуя сухари.

– Это потому что там дурных мыслей много. Для того и надо живот развязать. Ну, развязывается?

Солдаты, снова переглянувшись, и с удивлением закивали вновь.

– Так-то, братва. Много не ешьте, живот надо развязать, но тяжестью не набивать, – удовлетворенно сощурившись, промолвил Дагна. – Оружие да броню проверьте, пока время есть.

Люди понятиво загудели и принялись осматривать снаряжение.

– Дядь, а ты как тут вообще? – брызнув крошками, спросил молодой парень лет двадцати в охотничьей кожаной куртке и с коротким луком, проверяя тетиву. – Дварфы же не выставят хирдов, так в полку говорят. А ты тут. Как так?

Дагна вздохнул и отхлебнул из фляги.

– У меня дела на севере.

– Так ты ж, говорят, в штрафниках.

– Намотало на шестеренки вашей бюрократии.

– Чего?

– Ошибка, говорю. В Дентстоуне разберутся, граф обещал.

– А, ну понятно... – протянул юноша и уже хотел было задать следующий вопрос, когда его дернули за плечо.

– Заткнись, парень! – цыкнул на него, сидевший рядом уже сидящий солдат из бывших. – Не докучай командиру.

– Я не командир, воин, – покачал головой Дагна. – У вас есть свои десятники, рыцари.

– И где те десятники, рыцари прославленные? – вскочил худой солдат с оспинами на лице. – Пока нас гоблины стрелами на тот свет пришивали, где эти сэры-лорды бы... – запальчиво крикнул он, за что тотчас получил крепкий подзатыльник от здоровяка справа.

– Закрой хайло, придурок! Беду накличешь! – тихо пророкотал он.

– А ты меня не затыкай, Олаф! – не унимался худой. – Ты от сохи в армию пришел! Тебе все едино, привык спину гнуть на благородных и вопросов лишних не моги задать! Оно и ладно, пока пашешь, зверя добываешь им на стол, но чтоб жизнь свою класть по дурному, за просто так, даже разок не саданув в отве... – он резко замолчал, когда тяжелая ладонь припечатала ему рот и повалила на землю.

– Еще раз ты откроешь свою поганую пасть, Роб, я тебя здесь же придушу! – тихо зарычал тот, кого он назвал Олафом. – Враг рядом, идиота ты кусок! Что ты разорался? Хочешь, чтобы Фреда и парней скогтили, а потом и всех нас заодно, да, сволочь?

– Хватит! – Дагна встал и выпрямился, медленно расправив плечи. Все стихли. Будучи всего полтора метра ростом, дварф умудрялся смотреть исподлобья, но при этом сверху вниз на гораздо более высоких людей. А обладая шириной плеч в почти две трети от своего роста и руками толщиной с бедро человека, мощь подгорного воителя не вызывала никаких сомнений. Необычная броня только добавляла его облику монументальности.

Олаф послушно отпустил Роба, не забыв, однако, толкнуть того затылком в землю.

– У нас впереди бой, – процедил дварф. – Плохая затея устраивать сейчас свары.

Роб, болезненно морщась, сплюнул и, вытерев губы тыльной стороной ладони, на этот раз тихо буркнул:

– Я сказать одно хотел. Сэры-лорды черт знает где. А мы – тут! И ты – тут. И нас из-под косы Костлявой ты выдернул, а не рыцари-бароны. Ты! Не они! Потому и слушать мы тебя будем, потому что некого больше! А ты, Олаф, – он обвинительно ткнул пальцев в сторону здоровяка, повалившего его. – Руки после нужника хоть иногда мой!

Дварф жестом остановил побагровевшего от гнева, уже сделавшего шаг в сторону Роба, Олафа.

– Для многих из вас это первый бой. Угмоните кровь в жилах, если хотите увидеть новый рассвет. Сражение еще впереди, готовьтесь, – сказал он и закинул ремень с клювастым молотом за плечи.

– Командир! – снова подал голос молодой парень с коротким луком. – А для тебя это какой бой?

Дагна хмыкнул.

– Не первый, парень.

– Ну все же, Расскажи! По тебе же видно, в сечах побывал. И нам всем спокойнее будет, знай мы, за кем на смерть пойдём.

Солдаты вокруг согласно закивали, давай, мол, скажи.

– Давай, командир, нам тоже интересно! – тихо вышел из-за спины Дагны перемазанный в глине, но улыбающийся Фред с двумя лучниками. Дварф, окинув его взглядом, поиграл желваками и повернулся к остальным.

– Сколько всего был в бою – не знаю, и зарубок на топорище по числу убитых не делал. Расскажу лишь о зарубках на моей шкуре. Вот здесь, – Дагна нехотя указал себе на грудь, слегка постучав по нагруднику. – След от орочьего копья в триста сорок восьмом, местечко Гвадлон, здесь в Искарде. Не война, лишь битва. В тот день погибло много хороших людей.

Солдаты обомлели.

– Сто шестьдесят лет назад! – зашептались люди.

– Все в Искарде помнят Гвадлонскую бойню! – подал голос седой солдат.

– Сколько ж тебе лет? – пораженно выдохнул юноша в охотничьей куртке.

– Немало, – ответил Дагна и хлопнул себя по набедреннику. – Тут – перелом от дубины тролля в триста семьдесят шестом, пограничные земли на востоке Дунмарана.

Затем дварф поморщился и коснулся косога шрама на голове слева повыше лба.

– Это война с гоблинами в четыреста сороковом, королевство дварфов Маунтиндир.

Дагна провел по шраму через правую бровь и скулу.

– Это... – его взгляд затуманился. Словно наяву перед взором дварфа снова предстали мрачные своды пещер, куда никогда раньше не ступала нога двергурима. – Это оставил мне генерал черных гномов в четыреста семидесятом.

А затем лицо дварфа помрачнело, когда он поднял с земли узорчатые, из Синей Стали топор и щит.

– И это тоже.

Люди ошарашено в полной тишине взирали на подгорного воина. А затем все без исключения поднялись на ноги, и, ударив себя кулаками по груди, почтительно поклонились. Фред, похлопав дварфа по наплечнику, слегка наклонившись к нему, сказал:

– Давай, командир Дагна, веди людей. Нас там уже заждались.

– Сколько их, Фред?

– Полсотни, командир. Метрах в трехстах засели в корнях на склоне за деревьями и на ветках схоронились. Хорошо, с подветренной стороны подползли к ним, еле заметили, только что в задницу носом не уткнулись.

– И они не слышали? – уважительно глядя на Фреда и егерей, покачал головой дварф.

– Не, мы ж глиной вымазались, чтоб на пузе скользить шустрее и тише. Главное, чтоб не чавкало, – довольно улыбнулся Фред.

– А ты не так прост, дружище. Ветер не поменялся?

– Нет, все так же северный. Удивительно, но в это время года тут всегда так.

– Тебе виднее. Зайдем двумя группами слева и справа по большой дуге, третья группа пойдет в лоб, прямо на них. Туда всех молодых и неопытных за щиты, за ними лучников с десятков самых шустрых. Ты слева пойдешь, возьмешь пяток людей поопытнее, я с оставшимися справа зайду. Как на позиции выйдешь, каркнешь два раза вороной. Сможешь изобразить?

– Да уж не хитрая наука, – хмыкнул охотник.

– Хорошо, – кивнул Дагна. – Я сделаю то же самое. Позицию занять надо метрах в десяти-пятнадцати, так близко, как только сможете с парнями. Центральная группа, подойдя метров на пятьдесят, шуметь пусть начнет: пыхтеть, переговариваться, только не громко – бурые, не зеленые – не полные идиоты. Засаду мигом почуют. Слышите, ребята? – обвел взглядом солдат дварф. – Идете слегка разрозненно сперва, но будьте начеку. Глазастый кто-нибудь пусть все время наблюдает и как те стрелять начнут – а они начнут – сразу стену щитов стройте и лучников прячьте, ясно?

Люди угрюмо кивнули.

– Каркать начинай, как первые стрелы в центральную группу полетят, никак не раньше. Так что держаться надо крепко. А после я свистну и в клещи их сразу. Бронебойные стрелы отложите, бейте срезнями – бурые, хоть и поумнее, чем другие, но доспехов почти не носят. Перво-наперво надо выбить тех, кто в ветках засел, кого мечом и копьем не достать, потом уж остальных шейте. И все, мы с боков их сдавим, тут и центральная подоспеет. Все делаем тихо, не кричать, боевых кличей не орать, незачем их полюбовничков раньше времени кликать! Ни один вонючий гоблин не должен уйти! Ну что, братва, устроим носатым обвал опор? – хищно усмехнулся Дагна, похлопав по широкой лопасти боевого топора.

– Отомстим за парней! Веди нас командир! За Хевига, за Лютера, за Бонара – за всех отомстим! – раздался яростный хриплый шёпот от трех десятков совсем недавно потерпевших первое поражение в первом же бою людей.

Раздав приказы, и дежурно проверив отлично подогнанный доспех, Дагна осторожно пополз вперед, к группе из двадцати гоблинов, умело маскирующихся на вершине небольшого холма в кустах невероятно пышно разросшегося можжевельника. «Вот и вы!» – подумал дварф, ползком огибая их с правого фланга, прикинув, что так удобнее будет их рубить топором, ведь даже если они побегут от ударов, то побегут прямо на центральный отряд, где их неизбежно встретят стрелы и мечи. Подобравшись к гоблинам сбоку и замерев на расстоянии в пятнадцать шагов, Дагна, повернувшись с живота на бок, осторожно вытянул топор из чехла и стал ждать. Вскоре с южной стороны послышался негромкий разговор, стук небрежно перебрасываемых щитов с одного уставшего плеча на другое и звуки раздвигаемых веток кустарника. Все шло по плану. Центральная группа вышла на условленное место. Гоблины застригли острыми, размером с блюдце, ушами, поводя длиннющими, как клюв ворона, носами, раздувая ноздри, и, обменявшись парой быстрых жестов, натянули луки. Загудели спускаемые заскорюзлыми пальцами тетивы. В третий раз за сегодняшний день Дагна слышал этот смертоносный звук. Но на этот раз противник был как на ладони. И тут с запада раздалось карканье. Услышав условный сигнал, понимая, что все последовали его приказу и заняли верные позиции, дварф пронзительно свистнул, и, вскочив на ноги, понесся прямо на уже начавших разворачивать в его стороны луки истошно вопящих гоблинов.

Лучники с юга и запада били прямо сквозь разлапистые ветви деревьев, сшибая гоблинов одного за другим, били до кровавых мозолей, мстя за павших товарищей. Упав на землю, одни из них так и оставались лежать, убитые меткой стрелой, другие же, яростно катаясь, сдирая целые пласты мха грубыми сапогами, тщетно пытались вырвать из раны широченный наконечник зазубренного срезня. Покончив с теми, кто был на деревьях в течение десятка секунд, сразу переключили стрельбу на основную кучку врагов. В это же время Дагна с правого фланга и еще несколько ловких бойцов, как и вторая группа с левого фланга, взяли, наконец, запаниковавших гоблинов в клещи.

«Окс двергур!» – мысленно взревел Дагна, с великим трудом не проронив ни звука.

Широкое лезвие топора, взвив, снесло полголовы одному и разрубило ключицу другому, стоящему рядом. Брызнула кровь, окатив нескольких гоблинов, которые пятясь и спотыкаясь, пытались отойти от закованного в тяжелую броню Дагны. Но дварф не дал им ни шанса, совершив стремительный рывок и таранным ударом щита опрокинув сразу троих.

«Двергур хадад!» – беззвучным набатом гремел древний, как сами горы, боевой клич дварфов, тысячи лет внушавший ужас гоблинам и оркам.

Выл топор, с хрустом разрубая жилистые тела, звенел щит, врезаясь в головы гоблинов, отшвыривая их изломанными куклами. Короткие железные мечи ничего не могли сделать с дварфом, больше похожим на маленького стального голема.

Когда за неполную минуту боя было уничтожено около тридцати тварей, остальные гоблины, будучи отрезанными от всех направлений, кроме южного, как и предвидел Дагна, побежали прямо на центральную группу, где их встретили мечи и копья, разящие прямо из-за стены щитов. Но два гоблина, наиболее сообразительных и вертких, быстрыми ужами вывернулись из убийственного котла и, обогнув людей и дварфа, смогли прорваться дальше в глубь леса, на север, чтобы предупредить своих сородичей.

Неожиданно, весь покрытый колючками, ветками и еще каким-то мусором на холме за центральной группой возник барон Вильямин, и, увидев убегающих гоблинов, стегнул лошадь. Как следует пришпорив коня, он пустил его галопом.

– Дракон и Небо! – сотряс лес боевой клич барона.

Скаун, пару раз чуть не переломав ноги, вынес Вильямина к беглецам и после двух быстрых взмахов меча дело было кончено.

– Всё, вонючий пепел... – обреченно вполголоса простонал Дагна, неверяще качая головой. – Как можно быть таким идиотом, кайло ты ржавое?!

Барон недоуменно повернулся к нему с вершины холма, где зарубил гоблинов и, надменно изогнув бровь, не обращая внимания на уже падающие рядом с ним на излете, пока еще не опасные, стрелы и близкие вопли гоблинов.

– Что ты сказал, гномяра? Тебе тоже отсечь башку вместе с бородищей? – процедил он сквозь зубы, набрасывая забрало.

– Катись ты в бурую шахту! – рявкнул Дагна, о щит которого звякнула, отскочив, стрела, и совершая рывок к ближайшему дереву.

Гоблины повалили из-за холма один за другим. Низкие, жилистые, длиннорукие, злобно скалящие острые зубы в широких пастьях, бурые моментально включились в бой с разгона. Барон несколько секунд бился в полном окружении, разя тварей со всей доступной ему скоростью, но силы были слишком неравны. Лошадь, пронзенная короткими копьями, с жалобным ржанием пала, погребенная под телами пытающихся вскарабкаться по ней и добраться до человека бурых. Вильямин в последний момент каким-то чудом умудрился оттолкнуться от седла и кубарем покатился в овраг в сторону людей и дварфа, сбивая собой нескольких нерасторопных гоблинов будто кегли.

– Поднять щиты! Лучники, бей в просветы! – рявкнул Дагна и побежал к барону, упавшему едва ли в двадцати шагах от отряда, сыпя самыми черными ругательствами.

Вильямин, не имея возможности встать, отчаянно крутился как волчок, прикрываясь щитом и размахивая мечом, еще успевал яростно лягаться закованными в латы ногами, отгоняя от себя наиболее проворных гоблинов. Те, обступив барона, старательно били его копиями в пока что тщетных попытках найти наконецником стык в броне неистово вертящегося воина. Однако, и барон, и гоблины понимали, что долго так продолжаться не может – вскоре удача человека неизбежно иссякнет. Что не замедлило случиться, когда один из гоблинов принял бешено мелькающий меч на свой щит из дубленой кожи, а несколько его товарищей навалились на руки и ноги барона. Подскочивший бурый истошно заверещал, нанося по голове рыцаря удар за ударом окованной железом шипастой дубиной. На пятый удар ремешок шлема не выдержал, и тот, наконец, слетел с головы барона. Гоблин, оскалившись, занес оружие для финального удара.

– Окс двергур! – взревел подоспевший дварф, одним ударом своего широкого топора разрубив бурого с шипастой дубиной и еще двоих, обступивших барона. Щедро брызнула кровь и трое гоблинов рухнули почти одновременно, рассеченные на шесть неравных частей. – Двергур хадад! – боевой клич Дагны сотряс овраг.

Засвистели стрелы солдат, из-за щитов разя гоблинов вокруг барона и дварфа. Несколькими могучими ударами Дагна расшвырял бурых, что удерживали Вильямина. Крутанувшись на месте, дварф щитом сбил в сторону несколько направленных в него копий и, завершая вращение, разрубил ударом сверху вниз гоблина, который в последний момент вскинул над головой свой щит, в попытке задержать топор. Левие рассекло бурого до самой груди, пройдя и сквозь поднятый щит, и руку под ним. Выпустив рукоять завязшего топора, Дагна, схватил барона за горловину кирасы и, сквозь сжатые зубы застонав от натуги, швырнул в сторону ощерившегося копиями и мечами отряда.

– Поднимайся, сэръ рыцарь! Все распри отложим на потом! – крикнул дварф, не оборачиваясь.

Чуть присев, пропуская над головой свистнувший короткий меч бурого, Дагна щитом подсек ему ноги и, сделав шаг, схватился за рукоять своего топора, застрявшего в грудной клетке мертвого гоблина. Дварф дернул оружие на себя, с треском выламывая убитому несколько ребер, и, используя инерцию рывка, зарывчав, рубанул по диагонали слева направо, обрывая еще две жизни.

Гоблины, видя смерть своих товарищей, ничуть не смутились и наступали на Дагну с трех сторон, норовя взять его в клещи. Дварф, отбивая вражеские выпады, медленно отходил

к отряду людей, прикрывая своей спиной, оглушенного барона, который изредка тряс головой, хромал к стене щитов, опираясь на меч, как на палку. Дагна, в очередной раз широко отмахнувшись топором, улучил момент и мельком глянул на него.

– Что с ногой, барон? – крикнул дварф, вскинув щит повыше, не дав брошенному копьём найти спину человека.

– Подвернул, когда с коня прыгал... Проклятье! – сквозь зубы, преодолевая боль, прошипел Вильямин.

– Держись, сэръ рыцарь, почти дошли! – Дагна отбил щитом несколько копеечных ударов. – Поднажми!

– Я и так бегу, дварф... – заскрежетал зубами барон, изо всех сил пытаясь ковылять быстрее. До своих оставались считанные метры.

– Братва! Принимай сэра рыцаря! – гаркнул Дагна, подталкивая спиной барона. Гоблины слегка поотстали, группируясь в некое подобие строя, рыча от злобы.

Солдаты раскрыли объятия строя и, словно заботливый родитель, будто бы обняли, закрыли щитами Вильямина от неприятеля. Дварф благодарно кивнул бойцам.

– Давай, барон, приходи в себя!

– Без тебя разберусь! – донесся болезненный крик из-за спин воинов.

– Фред, присмотри тут за всеми и не давай сэру рыцарю дурить!

– Командир! Колчаны почти пусты! – крикнул в ответ охотник, всаживая стрелу в очередного гоблина, высунувшегося из-за плетеного щита. – Что будем делать?

Дагна обвел взглядом сгрудившихся гоблинов, посмотрел на холм, из-за которого неслось еще несколько десятков тварей.

– Держать оборону, братцы! Трубите в рог! Зовите подмогу!

– В какой в бездну рог, командир?! – крикнул кто-то из воинов. – Они же...

Договорить ему не дал протяжный, трубный звук раздавшийся из-за спин щитоносцев.

– ...только у десятников! – закончил воин.

Солдаты в изумлении обернулись. Барон, тяжело опираясь на меч, что есть сил дул в боевой рог. Дагна поудобнее перехватил топор и щит.

– Ну, храни нас всех Зерор! – прошептал он и, уже обращаясь к маячившему за спиной щитоносца Фреда, громко воскликнул, чтобы услышали его все, кто стоял поблизости. – Труби, барон! Фред, береги ребят! Держитесь!

– Ты что это удумал, командир? – побледнел охотник. – Не смей!

– Попробую выиграть время! – дварф слегка присел, напряжившись.

И прыгнул вперед, набирая разгон, понесся на гудящую, как пчелиный улей, толпу гоблинов. Раздались их гортанные выкрики.

«Услышь меня, Зерор Всеотец, – молнией пронеслось в голове у Дагны. – Услышь меня, Кователь Душ! Дар'Наг, последний из Дренг-ин-Дар взывает к тебе! Даруй мне свой Зов!»

– Окс двергур! Двергур хадад!

Передний ряд гоблинов просто смело прямо на их оглушенных товарищей незримой волной. Ряды бурых смешались, а потом в них ворвалась смерть.

Лес Неревальд днем ранее.

Десять Когтей народа урлах втягивались в чашу леса. Тяжело нагруженные телеги,

прикрытые рогожей, медленно вкатывались под гостеприимные кроны. Волы громко фыркали и мотали огромными рогами, с трудом переставляя копыта, утопая на целую ладонь в топкой, напитанной влагой, земле. Серовато-коричневые существа, упираясь в борта телег жилистыми руками, толкали изо всех сил, раз за разом вытаскивая подводы из грязи.

На опушке стоял высокий гоблин, почти полтора метров ростом, в богатой одежде из шкуры снежного барса, провожая взглядом желтых, горящих в темноте, глаз каждую телегу. Рядом с ним был старик-урлах, который опирался о кривой посох, увенчанный перьями и позвякивающими на слабом ветру кольцами, кутаясь в балахон, отделанный волчьим мехом.

– Надеюсь, хватит, Барза... – задумчиво промолвил высокий гоблин, сжимая узловатыми пальцами рукоять короткого широко меча в кожаных ножнах на поясе.

– Вождь Хараз, – произнес старик. – В этот раз все должно получиться. Мы принесли щедрые дары, Макта услышит нас и откроет двери.

– Надеюсь, великий шаман.

– Это последний осколок нашего древнего дома, вождь. Макта услышит нас, – с нажимом повторил Барза. – Но долговязые тоже слышат нас, вождь. И идут сюда.

– Для того я собрал все десять Когтей, великий шаман, – указал когтистой рукой на проходящих мимо урлах Хараз. – Все готовы защищать Родник до последней капли крови.

Когда замыкающая телега со скрипом скрылась в тенях, вождь и шаман отправились следом.

Пятьдесят гоблинов засели на северных склонах невысоких холмов перед опушкой, наблюдая как к лесу приближаются вооруженные люди.

«Подпустить поближе. Первыми бить железнопузых. Передать команду», – на языке жестов приказал командир гоблинов по имени Гыр с красной лентой на луке.

Урлах терпеливо ждали. Командир взмахнул рукой. Гоблины, зловеще усмехаясь, натянули луки, целясь в закованных в железные одежды людей.

Гыр взмахнул рукой. Стрелы унеслись сквозь густую листву. Послышались болезненные вопли падающих людей и крики человека в латах. До того, как первые ряды, издавая страшный шум, неуклюже ворвались в чащу, Гыр дал отмашку: «Уходим».

– Как думаешь, Брага, долговязые клюнут на нашу уловку? – скрипуче произнес урлах, выглядывая сквозь ветви густого можжевельника.

– Еще бы, Карг, мы же положили их железнопузых, они такого не простят.

– Точно, пусть приходят! По лесу ходить они не умеют, а стрел у нас вдоволь. Интересно, остальные Когти тоже хорошо поохотились?

– Ты за остальные Когти не думай, ты за наш думай. Коготь Гыра – самый лучший! Наша сотня охотников даст фору в десять шкур любому!

– Точно, точно!

– Тише! – поднял руку Вексро. – Они идут!

Из-за одного из многочисленных холмов неподалеку показалась группа из нескольких десятков уставших людей. Они шли, испуганно переговариваясь и постоянно озираясь по сторонам. Казалось, что они и вовсе забыли о том, что на них идет охота.

– Шумят, сопят, топают, – прошипел Брага, презрительным жестом указывая на людей. – Позор для истинного охотника!

Вексро мрачно кивнул и дал отмашку.

– Кончай их, урлах! Хватит долговязым топтать нашу святыню!

Более команд не требовалось. Гоблины, состоящие в Когте Гыра, прекрасно знали, что и когда им делать. Захлопали тетивы.

Стрелы со звоном вонзились в слишком уж скоро поднятые щиты. Люди мгновенно переменились, из сторбленных от усталости и страха, превратившись в суровых воинов. Вексро успел запоздало подумать, что происходит что-то неправильное, когда кто-то дважды крайне неумело прокаркал, явно подражая вороне. А потом раздался пронзительный свист и полетели ответные стрелы. Долговязые лучники как будто видели сквозь деревья и ветви, стрелы летели с трех направлений, унося жизни урлах с поразительной скоростью. Началась суматоха, гоблины орали от ярости, теряя товарищей. Не на такую охоту рассчитывали они. Но охотники Когтя Гыра больше прочего ценили презрение к смерти. Не сделав ни шагу назад, они рычали, сыпя ругательствами. Вексро кричал, что есть мочи, командуя отступление, но урлах не слышали его. Срывая голос, вожак уже хрипел, когда чужая кровь забрызгала его с головы до пят. Лихорадочно обернувшись, Вексро увидел, как слева от него рухнули разрубленными двое его ловцов, и еще трое полетели на землю, открывая вид на низкорослого, широкоплечего, почти квадратного воина, полностью облитого железом.

«Двергурим», – холодея, успел подумать Вексро.

Двумя прыжками коренастый воин оказался возле поверженных урлах и несколькими страшными ударами топора оборвал жизни охотников, которых Вексро знал с самого рождения. Оттолкнув вожака, в бой бросились его ближники, бросив бесполезные сейчас луки и обнажив короткие широкие мечи.

С низким гулом рассекающий воздух топор двергурима не давал гоблинам подойти ближе. Почетное презрение к смерти позорно уступало место обыкновенному страху за свою жизнь. Тем более, что ритуал был почти закончен и нужно было любой ценой задержать вторгшихся в лес долговязых. Но разве мертвый сможет кого-то остановить или задержать? Нет, рваться вперед глупо, отступать и вовсе нельзя. Необходимо было дожидаться подхода подкрепления, иначе собравшиеся здесь зверобои бесславно погибнут, не исполнив долга. Им нужно было время.

Внезапно двергурим бросился прямо на них, издав громоподобный вопль и все звуки оборвались, оставив лишь звенящую тишину.

Дагна врубился в ряды гоблинов, внося настоящее опустошение. Топор из Синей Стали

рассекал сразу двоих-троих бурых, открывая путь к следующим. Дварф, с ужасающей методичностью, каждым взмахом отсекая головы и руки, разрубая тела, сметал гоблинов, словно косарь траву.

Но враги прибывали все же быстрее, чем Дагна успевал их уничтожать. Гоблины постепенно приходили в себя, и все больше их ударов сыпалось не по его щиту, а на броню и шлем. Бурые не были самоубийцами и, образовав широкий круг, обступили дварфа, неистово коля его копьями, которые пока что изредка высекали искры из доспехов и оставляли мелкие царапины на стальной поверхности.

– Бездна! Да где же шлаково войско? – прорычал он внутри шлема, видя как его, словно утес, огибает новая волна врагов, устремляясь к стене щитов, за которой раздавался звук боевого рога. Оставив кровавый след из трех десятков изувеченных тел, дварф, освободил перед собой пространство взмахом топора, отогнав пятерку обезумевших от ярости бурых, едва не получив при этом несколько копеечных ударов в грудь и плечи.

– Да когда ж вы кончитесь! – взревел он, устремляясь к своему отряду, рубя гоблинов направо и налево, не обращая внимание на барабанившие по нему уже со всех сторон удары мечей, копий и дубин.

«Хорошо все-таки, что доспехи без щелей» – успел подумать Дагна, прежде чем сильнейший удар сбил его с ног и он, совершив короткий полет, пропахал шлемом несколько метров раскисшей от крови и ног земли, теряя топор и щит.

Сквозь звуки рога и треск щитов, сзади раздался полный ненависти грубый и смутно знакомый голос.

– Я узнал твой запах, двергурим! Помнишь Гвадлон?

Дварф, несмотря на тяжелый доспех, резко поднялся на ноги и развернулся. Перед ним стоял здоровенный широкоплечий орк с двуручным шестопером в опущенной руке. Длинная тяжелая кольчуга закрывала его от горла до колен, оставляя могучие руки, с перекатывающимися под серой кожей валунами мускулов, открытыми. Сквозь полумаску шлема с почти двухметровой высоты на Дагну смотрели горящие желтые глаза. А затем резкий взмах шестопера вывел дварфа из задумчивости, заставив отскочить на пару шагов.

– Надо было все-таки завалить тебя тогда, Гор’Таг! – прорычал Дагна, рванув было пряжку ремня, на котором висел за спиной его боевой молот, но тут же, низко пригнувшись, нырнул под прогудевшее лопастями наверхие булавы.

– Значит, узнал меня! – ухмыльнулся орк, нанося серию размашистых ударов. Дварф уворачивался, совершая нырки и уклоны, и никак не мог улучшить момент, чтобы расстегнуть ремень с молотом, рискуя попасть под чудовищное оружие орка. К Дагне уже было подскочило несколько гоблинов, заноса оружие для удара, но Гор’Таг, утробно рыкнув, жестом остановил их, и те ринулись на подмогу своим соплеменникам.

– Под Гвадлоном ты один выжил, сопляк, не мудрено догадаться, кто ты, – мрачно проворчал дварф. – Кажется, тогда ты был на варге, когда ткнул меня копьем?

Дагна споткнулся о труп гоблина и едва не упал.

– Этот варг был моим другом, двергурим! – взревел, разбрызгивая слюну, Гор’Таг, надвигаясь на Дагну словно гора. – Твои воины жестоко убили его, когда я уже бросил оружие!

– Я сохранил тебе жизнь, баран ты серый, не дал разорвать людям, которым твое племя принесло столько горя! Тебе сколько тогда было, мальчишка? Лет двадцать? – Дагна, неотрывно глядя на орка, уже накрывшего его своей тенью, крепче уперся в месиво под

ногами, чтобы не поскользнуться в грязи.

– Прошло сто пятьдесят лет, падаль! Сегодня я закончу то, что начал тогда мой клан! – Гор’Таг схватил рукоять обеими руками, чуть ли не дрожа от ярости.

– Сто пятьдесят два, – успел буркнуть Дагна, сделав шаг в сторону и пропуская оружие орка мимо. Тяжелое навершие шестопера глубоко погрузилось в землю, обдав дварфа фонтаном грязи, а инерция повлекла Гор’Тага вслед за оружием, заставляя того наклониться.

Недолго думая, дварф, схватив левой рукой орка за ворот кольчуги, грохнул правым бронированным кулаком ему в лицо.

– Нет больше твоего клана! – удар пришелся в нащечник шлема, оставив вмятину, а голова серокожего дернулась, разбрызгивая изо рта кровь вперемешку с осколками зубов. Зарывав, орк попытался вырваться из рук дварфа и, разжав одну руку, было замахнулся, но тут же поплатился, получив еще один мощный удар в лицо. Серокожий непременно бы упал, если б не железная хватка Дагны.

– Что не склевало воронье, то растащили по норам мыши и крысы! – еще два сокрушительных удара по ребрам заставили орка болезненно скривиться, будто и не было на нем никакой брони. – А ты клялся, мразь, что навсегда уйдешь в горы к своим старикам! – прошипел сквозь зубы Дагна, саданув Гор’Тага по шлему так, что зазвенело. – Заботиться хотел! Клялся же Грум-Гаром вашим, что навсегда уйдешь! Так ты держишь слово перед своим богом? – Дварф разжал хватку и нанес мощнейший удар в открытый подбородок орка. Тот грохнулся на спину, разбрызгивая месиво, в которое превратилась за время боя земля под ногами.

К чести Гор’Тага, даже несмотря на избиение, он не выпустил рукояти своего оружия.

– Грум-Гару нет дела до клятв всяким червям, двергурим, – прорычал орк, тяжело поднимаясь на ноги.

– Буду знать на будущее, – Дагна наконец расстегнул ремень пересекавший грудь и боевой молот рухнул под своей тяжестью вниз, но был мягко подхвачен его сильной рукой.

Гор’Таг шумно сплюнул, утер предплечьем разбитый рот с торчащими кверху клыками, один из которых сломал ему дварф и ощерился в жутковатом кровавом оскале.

– У тебя нет будущего. Ты умрешь здесь, твой Зерор тебе не поможет.

Дагна вскинул молот себе на плечо и слегка напряжился.

– Тогда закрой рот и бей наповал, Гор’Таг. Второй раз я тебя не отпущу.

Шестопер, взлетев по кривой дуге, падающей звездой рухнул на шлем дварфа. Но тот, совершив поворот корпусом, сбил его в сторону коротким ударом молота. Однако орк оказался сильнее, чем предполагал Дагна и, перенаправив инерцию удара, с грохотом опустил шестопер на наплечник дварфа, высекая целый сноп искр. Подгорный воитель, досадливо скрежетнув зубами в предвкушении серьезного ремонта, коротко размахнулся, и острый клюв молота полетел орку в открывшийся бок. Гор’Таг, успел отскочить назад, и хищно поблескивающее острие лишь разодрал кольчугу, пронеслось мимо, оставляя за собой шлейф из рассеченных колец. И тут же резко остановив движение молота, Дагна хватил орка в грудь торцом молота, вышибая у того из легких воздух. Серокожий был могуч и, не теряя равновесия, с подшагом ударил шестопером снизу вверх, снова высекая искры, но уже из нагрудника подгорного воина. Дагна слегка покачнулся и взмахнул молотом в ответ. Орк едва успел отшатнуться от сверкнувшего перед самым лицом бойка, как внезапно подскочивший дварф врезался ему в живот бронированным плечом. Орк согнулся от удара, но, зарывав и успев выставить назад ногу, устоял на месте. Резко выпрямившись, он саданул дварфа

серединой рукояти по забралу. Тот, разразившись грязными ругательствами, зацепил серокожего клювом своего оружия за поясицу и сильно дернул на себя. Орк покачнулся, впустую взмахнув оружием, когда дварф, используя разницу в росте, проскользнул под шестопером за спину противника и с размаху впечатал плоский боек молота тому в спину. Гор'Таг взревел от боли и грохнул с разворота вслепую. Дагна поймал шестопер орка концом рукояти под широкими лопастями и, откинув его в сторону, тут же врубил толстый граненый клюв молота в открытую грудь противника, пробивая кольчугу и круша ребра. Шестопер выпал из ослабшей руки серокожего, и он рухнул на колени, истекая кровью.

Дагна подошел к поверженному противнику, пинком отшвыривая его оброненное оружие.

– Что же ты здесь забыл, Гор'Таг? Зачем тебе гоблины?

Орк медленно поднял уже мутнеющий взгляд на дварфа, а затем запрокинул голову, глядя на кроны деревьев и просвечивающее в высоте небо.

– Зачем ты променял жизнь на это? – дварф схватил его плечо, но орк вяло отмахнулся. Дагна напрягся, ожидая увидеть блеск ножа, однако рука Гор'Тага была пуста. Жизнь покидала могучее существо стремительным кровавым ручьем.

– Поди прочь... двергурим... дай нормально умереть, глядя... на высокое небо... а не на твою железную морду...

Дварф отпустил орка и выпрямился, играя желваками под забралом, когда раздались многочисленные звуки боевых рогов со всех сторон, и гоблины истошно заорали, когда, переваливая через холм нескончаемым потоком точно так же, как и они ранее, в их ряды врубались десятки солдат. Бой разгорелся с новой силой.

– Я ошибся тогда под Гвадлоном, когда заступился за тебя. Вы, орки, неисправимы. Жаль. У тебя был шанс на другую судьбу.

Дагна поудобнее перехватил молот и, уже сделав шаг, замер, когда услышал тихий хриплый голос.

– Когда я вернулся в деревню... Их уже добивали... Я дрался до последнего... Урлах подобрали меня полумертвого... Стали семьей...

Гор'Таг, отведя взгляд от неба, посмотрел на Дагну.

– Двергурим... люди как саранча... им всегда будет мало земель... Однажды они... – орк будто засыпал. – ... они придут... и в ваши... подгорные... крепости...

Это стало последними словами серокожего орка.

Дварф еще несколько мгновений смотрел на него, замерев на полушаге, а затем ринулся в бой.

– Окс Двергур! Двергур Хадад! – взревел Дагна, сметая гоблинов могучими взмахами молота.

С прибывшим подкреплением в низине довольно быстро перебили врагов, и дварф, устало опустив молот, огляделся вокруг. Вся земля была усеяна телами гоблинов и редко встречающимися трупами людей, чаще всего погибших от стрелы или меткого удара копьем, чем от меча или дубины. Его отряд просто валился от усталости. Барон был бледен, его нога страшно распухла, однако Вильямин оставался тверд, скомандовав идти на соединение с

основными силами. Воины глянули на Дагну и, когда тот кивнул, неохотно, но все же подчинились рыцарю. Отряд, не имея возможности передохнуть, поплелся за ковыляющим бароном дальше на север, стремясь закрыть брешь в этом направлении. Дварф, отыскав втоптаные в грязь щит и топор, поспешил за ними.

По всему лесу раздавались звуки боя. Гоблинов уверенно теснили по всем фронтам, и они отступали, огрызаясь стрелами и копейными выпадами, в самый центр леса. Плотный щитоносный строй людей не оставлял бурым ни единого шанса, мерно наступая неотвратимой стеной.

Вскоре остатки гоблинов были загнаны к подножию большого холма, поросшего молодым и редким подлеском. Вершина холма была широкой и плоской, по периметру её, раскинув могучие ветви, росли многовековые огромные дубы и липы. За ними что-то явно происходило – просветы между стволами периодически освещались вспышками и треском, как в грозу, при попадании молнии в сухое дерево.

Дварф, вновь сменив молот на щит и топор, напряженно смотрел на вспышки, подозревая, что гоблины не сдадутся так просто. Это было очень не похоже на представителей этого народа. Нетипичное поведение и невероятная стойкость, вкупе с воинской доблестью, которую проявили бурые, были в новинку для Дагны.

Вспышки и треск становились все ярче и громче, их частота нарастала по мере того, как гоблины скрывались за деревьями на вершине. Когда из вида пропал последний бурый, вспышки превратились в единое мерцающее свечение, а звуки слились в вибрирующий низкими частотами гул. А затем в один момент наступила такая режущая уши тишина, что сердце дварфа пропустило удар.

– Времени мало, Барза! Сколько еще ждать?

– Родник открыт, мой вождь, но его тропы еще не сплелись в узор Макты...

– Сколько? – сквозь зубы спросил Хараз, переводя взгляд от сияния в центре поляны на живую стену из огромных деревьев из-за которых выныривали урлах.

– Когда солнце встанет в зенит, узор будет завершен, мой вождь, – скрипуче ответил старый шаман, устремив колючий взгляд на Харазу.

Поляна внутри круга дубов-исполинов была так велика, что с легкостью вместила в себя не только несколько сотен женщин, стариков и детей, но и все двадцать телег вместе с волами. Охотники и зверобои, уцелевшие в бою с людьми, редкой цепью окружили свое племя, угрюмо вглядываясь в проемы между деревьями. Рукояти оружия и щитов поскрипывали в крепко сжатых пальцах.

Вождь Хараз глянул наверх, где кольцо из крон открывало кусочек неба. Солнце было близко к полудню, его лучи уже освещали западную сторону верхушек деревьев. Еще совсем немного. Но враг уже стоит у подножия холма.

Хараз тяжело вздохнул и, с шумом выпустив воздух из легких, повернул взгляд на шамана.

– Нам не успеть уйти, Барза, долговязые идут к Роднику прямо сейчас! Охотников почти не осталось! Делай ритуал Черного Солнца! Немедленно!

Шаман слезящимися глазами посмотрел на вождя.

– Ты не знаешь, о чем просишь, Хараз! – проскрежетал он.

– Я сам поведу Теней и прикрою исход. Выбора нет! Наше наследие... – Хараз кивком указал на жмущихся к матерям и бабкам детей. – ... должно уцелеть! Любой ценой! Слышишь?

– Слышу, мой вождь, – ответил Барза, глядя прямо в горящие глаза Харазу. – Черное Солнце сожжет дотла души урлах! Макта не сможет...

Хараз застриг длинными острыми ушами и, кипя от ярости, схватил шамана за грудки, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

– Наше племя должно жить, Барза! Тьма тебя поглотит! Макта разберется! Макта – бог! – прошипел он в лицо шамана.

Пару мгновений они сверлили друг друга испепеляющими взорами, а потом Хараз, гневно дернув краем рта, отпустил уже трещавшее одеяние Барзы. Издав несколько щелкающих звуков, он отвернулся от шамана.

– Я твой вождь, великий шаман, не забывай заветы предков, – около вождя возникли десять безликих силуэтов, словно размывающихся при прямом взгляде на них.

– Я помню заветы, Хараз, – Барза с кряхтением воткнул посох в каменистую землю. – Я сам тебя им научил.

– Тогда делай ритуал Черного Солнца, великий шаман! И уводи всех отсюда.

– Да... мой вождь.

Барза взялся за посох обеими руками и быстро забубнил какой-то речитатив. Слова становились все быстрее и громче и, уже перейдя на крик, шаман внезапно замолчал. Одной рукой держась за воткнутый в землю посох, Барза выхватил из сумы потрескавшийся каменный амулет, испещренный сложным орнаментом, и вскинул его вверх.

Все звуки будто бы умерли. Гоблины в ужасе кричали что-то друг другу и не могли докричаться. Дети, зажимая уши руками, беззвучно кривили рты в плаче, еще сильнее вжимаясь в матерей, старики, побелев как мел, смотрели на своего шамана и бросившегося к нему вождя.

Хараз подхватил Барзу, помог устоять на ногах прежде, чем тот рухнул на землю, сжимая рассыпающийся в прах посох.

Шаман протянул каменный амулет вождю и, когда тот его взял, на языке жестов сказал. «Ключ. Когда урлах уйдут. Сломай»

Хараз кивнул и, опустив взгляд, спрятал амулет за пазуху. Внезапно он ощутил легкость и пустоту в руке, которой поддерживал Барзу – в ней остался только подбитый волчьим мехом балахон, с сыплющимся из него пеплом.

– Прощай, великий шаман, – одними губами прошептал вождь, не слыша даже собственных слов. – Прощай, дед.

А потом звуки обрушились лавиной. И сквозь плач детей и крики женщин, Хараз услышал, что долговязые на склонах истошно завопили, источая ауру леденящего ужаса.

Жестом приказав Теням следовать за ним, вождь устремился к стене дубов, на ходу доставая из ножен меч.

Рёв раздавался практически со всех сторон. Люди суматошно заозирались по сторонам, когда в задних рядах заорали, указывая в противоположном холму направлении.

Жуткими ломаными движениями убитые гоблины поднимались. Пронзенные стрелами, изрубленные мечами и топорами, заколотые копьями. Прямо перед Дагной на склоне заскреб когтями по жухлой опавшей листве бурый со стрелой в глазнице. Дварф, не долго думая, быстрым ударом топора разрубил ему голову, и тот снова затих.

По рядам воинов разнеслись приказы развернуть строй в сторону нового противника. Солдаты судорожно меняли формацию, разворачивая щитоносцев на внешнюю сторону, оцетиниваясь оружием.

Там, где поднимались трупы, трава на глазах чернела и рассыпалась в прах, а деревья с треском корчились, сворачивались немислимыми изгибами, засыпая все вокруг себя гнилой трухой. Искореженные ветви градом падали на землю.

Первые мертвецы уже приближались к людям, кто ковыляя, кто ползя, когда тут и там в строю начали раздаваться крики. Полк в прямом смысле стоял на трупах недавно убитых, и те не замедлили вцепиться в своих убийц, вгрызаясь в плоть зубами и разрывая когтями. Их тут же осыпали градом ударов вопящие от ужаса люди, при этом, стремясь оказаться как можно дальше от жутких тварей, они сталкивались и отесняли друг друга. Строй смешался и угрожал ежесекундно рассыпаться на отдельные отчаянно машущие железом кучки испуганных до смерти ополченцев.

Тем временем в щиты внешнего кольца обороняющихся вцепились первые твари. Солдаты кололи неспешно подходящих монстров копьями, пытаясь держать на расстоянии, лучники засыпали их стрелами, опустошая колчаны, но мертвецы не обращали внимания на эти раны. Даже, когда в ход пошли мечи и топоры, то и отрубленные головы и руки не останавливали стремление тварей добраться до живой плоти. Кто уже не мог идти, ползти,

жутко крича и разевая пасть, цепляясь за землю порой одной-единственной оставшейся рукой, и хватали людей за ноги, смыкали челюсти на сапогах, заставляя солдат спотыкаться и падать.

Мертвые гоблины висли на щитах целыми гроздьями, оттягивая их к земле, а за ними лезли все новые и новые твари. Солдаты тратили на каждого из оживших трупов массу сил, вдвоем-втроем рубя рычащего мертвеца на куски, и только тогда его удавалось остановить.

Полк еще менее четверти часа назад уже практически наголову разбивший противника, оказался в полном окружении. Из оврагов и на холмах вставали и устремлялись к ним все новые мертвецы. Кое-где земля вспучивалась и из-под неё, разбрасывая грунт, выбирались гнилые останки давно погибших бурых.

Дагна стоял в первых рядах,каждым ударом принося окончательную смерть уже второму десятку тварей. Топор из Синей Стали уничтожал нежить ничуть не хуже, чем до этого живых.

Барон яростно отмахивался мечом от нападающих врагов рядом с дварфом.

– Бездна! Что же это такое? – прокричал Вильямин, безрезультатно снося голову очередному мертвецу.

– Пожиратели! – ответил Дагна, раскроив чуть не надвое очередного монстра. – Нежить!

– Проклятье! – выругался барон, ударом щита отбрасывая пару врагов.

– Оно самое, сэръ рыцарь!

– Ты что, сталкивался с таким?

– Да.

– Почему их так сложно убить?

– Потому что они уже мертвы, барон! У них нет слабых мест, и они не чувствуют боли!

– А ты почему кладешь их как крапиву палкой?

– Синяя Сталь смертельна для них! – Дагна, прицелившись, рубанул наотмашь, отправляя в небытие сразу двоих. – Мы так долго не продержимся! Надо найти источник!

– Что?

– Фред! Держите строй! Держите изо всех сил! Барон, за мной! Надо кончать с этим!

– Надеюсь, ты знаешь, что делать! – рявкнул Вильямин, ударом бронированного сапога отбрасывая очередного мертвяка, зашипел от боли в ноге, но все же, уступив место другому воину, заковылял, сильно хромя, вслед за Дагной.

Дварф и барон пробрались через строй, расталкивая объятых ужасом людей. Вильмину мешала поврежденная нога и он слегка отстал.

«А в парне, оказывается, есть стержень», – подумал Дагна, видя, как держится Вильямин. Барону было, несомненно, больно и страшно, однако, это никак не сказалось на его решимости.

– Нам нужно забраться на холм, сэръ рыцарь! Ссанный уголь мне в печку, если источник не там, на вершине! – гаркнул дварф, забегаая по склону к исполинским деревьям, и чуть ли не нос к носу столкнулся с необычно высоким гоблином в шкуре барса, выходящим из-за толстого дуба. Желтые глаза смотрели с холодной ненавистью.

Удар короткого широкого клинка с неожиданной силой ударил в щит Дагны. Дварф, чудом сохранив равновесие на скользком склоне, сделал шаг назад, но тут же прыгнул на гоблина, разя его топором. Гоблин, отвернув корпус и махнув мечом, сумел отвести в сторону страшное лезвие и одним мягким движением зашел Дагне за спину, нанося сразу град ударов с разных позиций. Дварф, действуя на одних инстинктах, резко махнул щитом назад, со

звоном отбивая атаку гоблина, и на развороте рубанул топором. Гоблин просто отклонился назад, пропуская удар в нескольких ладонях от своего лица. Отступив на несколько шагов, он резко взмахнул рукой и издал шелкающий звук. В ту же секунду на дварфа обрушился целый шквал ударов с разных сторон, высекая искры из его брони. Дагна закружился на месте, пытаясь достать противника, но никого не увидел. А рядом с высоким гоблином стояло десять фигур, сжимающих в каждой руке по длинному изогнутому кинжалу из странного черного металла. К Дагне подоспел Вильямин и еще трое рыцарей с мечами и щитами наперевес.

Гоблин, презрительно оглядев людей, устремил пронзительный взгляд желтых глаз на дварфа.

– Двергурим! Я – Хараз. Я – вождя урлах, – на ломаном языке людей прокаркал он. – Когда умирай, сказать твой бога – Хараз убить.

Дагна оглядел новых соратников. Судя по гербам на щитах, что он успел рассмотреть, это были командиры седьмого, восьмого и десятого отрядов – рыцари Микобат, Рокар и Кармол.

– А вы что тут забыли, благородные сэры? – недовольно проворчал дварф, не выпуская из поля зрения гоблина с его странными воинами. – Внизу не осталось врагов?

– Наши бойцы убиты, дварф! – холодно произнес Микобат, пропуская мимо ушей фамильярность. Его изгрызанный щит явно свидетельствовал о тяжело пережитом бое. – Мы нужнее здесь!

– Ну, воля ваша, господа дворяне, – мрачно хмыкнул дварф. – Тогда побыстрее займите чем-нибудь этих мерцающих доходяг, пока я с их «вождя» потолкую с глазу на глаз.

– Да как ты смеешь... – начал было сэр Рокар, когда вдруг барон Вильямин схватил его за плечо.

– Наши люди сейчас гибнут, Рокар. Не время для препирательств. Дварф знает свое дело.

Рыцари переглянулись и молча отсалютовали противнику. Вождь Хараз единожды махнул когтистой рукой. Странные фигуры, отдаленно похожие на гоблинов, завьюжили вокруг них, действуя в потрясающей слаженности, постоянно меняя углы атаки и чередуя цели. Рыцари, к удивлению, Дагны, не дрогнули и, выкрикивая свои девизы, уверенно вступили в бой, лихо отбивая сыплющиеся со всех сторон удары щитами и мечами.

Перед дварфом остался только вождь. Тот неотрывно смотрел на Дагну своими желтыми глазами, не торопясь нападать.

– Я понимаю, что ты тянешь время, гоблин. Но пора с этим кончать! – дварф поднял щит и напряжился. – Окс Двергур! Двергур Хадад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5j9>